

18+

Боровой Николай

*Два философских
письма о парадоксах
разума и истоках
нигилизма*

031015

Николай Боровой

**Два философских письма
о парадоксах разума
и истоках нигилизма. Опыт
рефлексии и дискуссии**

«Издательские решения»

Боровой Н.

Два философских письма о парадоксах разума и истоках
нигилизма. Опыт рефлексии и дискуссии / Н. Боровой —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504756-4

Приводимые в данной публикации тексты родились из философской
переписки и дискуссии с коллегами, затрагивавшей давно волнующие автора
проблемы... Автор попытался максимально сохранить их изначальный вид и
счел формат философского письма наиболее приемлемым...

ISBN 978-5-00-504756-4

© Боровой Н.
© Издательские решения

Два философских письма о парадоксах разума и истоках нигилизма Опыт рефлексии и дискуссии

Николай Боровой

© Николай Боровой, 2019

ISBN 978-5-0050-4756-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ, ПОРОЖДЕННЫХ СОЗЕРЦАНИЕМ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ...

Перед нами очень известная фотография казни еврея во время расстрелов в Виннице 42—43 года... она представлена в экспозиции музея «Яд ва Шем» в Иерусалиме... Признаюсь — когда я первый раз ее увидел, то буквально оцепенел от ужаса, от приобщения бездне тех чудовищных и принципиальных смыслов, которые заключает в себе этот очень «привычный», «будничный» для тех времен и событий кадр... Та картина, которая открывается на снимке, соответствующая повседневности, привычным событиям тех страшных времен, содержит в себе настолько принципиальные смыслы, что их прочтение может приблизить нас к пониманию тех событий, сил и причин, ими двигавших... Перед нами человек, который ожидает казни... Бездна смерти обрела для него визуальное воплощение — это яма, на краю которой он сидит, полная беспорядочно сваленных трупов его соседей, сослуживцев, одноклассников, расстрелянных за несколько минут до него... человек этот ожидает смерти покорно, безучастно, видя в ней некую механическую неотвратимость... он просто ждет, что бы этот выверенный процесс совершился... на его лице нет гримасы ужаса перед обреченностью через мгновение превратиться в кусок бесформенного мяса на дне ямы, он не пытается умереть с достоинством, вцепившись в горло своему мучителю... при этом у него нет надежд на чудо или спасение — его судьба для него несомненна, очевидна... он просто ждет, когда свершится необходимость... он ждет смерти так же, как ждут того, что бы двери трамвая закрылись и тот продолжил движение... Перед нами его последние секунды, последние вдохи и выдохи, при этом нас не покидает ощущение механичности, «отлаженности» совершаемого, ведь наверняка рядом, за кадром, стоят люди, которых ожидает та же судьба — на глазах у всех покорно подойти к яме, сесть на ее край и подождать, пока палач нажмет на курок и отправит их на дно ямы, в небытие... Присутствует ощущение безразлично-механического участия в этом процессе умерщвления, уничтожения и жертв, и убийц... одни — своими действиями, другие — своим бездействием, словно бы позволяют свершиться неотвратимому року уничтожения, круговороту запланированной смерти... этот человек ожидает не просто казни, он ожидает, пока фотограф сделает несколько качественных снимков его убийства, отсигналив наведшему на него пистолет офицеру — «отлично, снято»... так он зарабатывает еще несколько вдохов, несколько мгновений бытия... Рядом, на убийство словно на представление, выстроилась группа немецких солдат и офицеров, которые наблюдают за механической, насильственной смертью десятков людей, той же самой, которая в перипетиях войны возможно ожидает их самих, и возможно — не так уж не скоро... Молодой офицер-немец сосредоточенно готовится отнять жизнь у человека, такого же как он сам, обладающего такой же трагической судьбой, как и у него самого, возможно — такого же, как его отец, но он не ощущает, не сознает, не различает

этого в механической последовательности совершаемого, этот казнимый им «другой» для него – лишь «галка» в списке людей, которых он, как «исполнительный офицер, верный долгу», обязан сегодня уничтожить в отведенное для этого время, остальные – подождут до завтра... он просто «верен своему долгу» и «делает возложенное на него дело», на его лице написана та сосредоточенная, холодная решимость, концентрация воли, которая так необходима, что бы убить живое существо... он или не сознает, что возможно завтра ему придется умереть точно так же, как и его жертве, или – и это скорей всего – безразличен и к тому, и к другому... Так кто же эти люди – покорные в смерти «овцы», покорные в убийстве, холодные и безразличные орудия военной машины, ожившие или словно сошедшие со страниц романов «бесы», забывшие, что они рождены от отца с матерью и убивают людей, вполне возможно похожих на их оставшихся дома родителей? Возможно – их жертвы не являются для них «людьми» в собственном смысле слова? Но как же это возможно, что бы объединенные одной и трагической судьбой существа – той судьбой, которая называется Жизнь, Страдание, Смерть – утратили ощущение связи друг с другом, родственности друг другу в их общей человеческой судьбе? Как возможна та бездна отчужденности двух живых и обреченных на зло смерти людей друг от друга, которая делает возможным то, что запечатлено на этом снимке? Не является ли безразличие к себе, собственной жизни и судьбе той почвой, на которой произрастают готовность убивать и безразличие к жизни «другого»? Почвой, из которой проистекает та холодная и покорная решимость воли, которая делает возможным механическое, безличное убийство десятков и сотен людей? Н. Бердяев пишет, что война – это предельная степень обезличенности людей, превращенных в орудия уничтожения, предельность их экзистенциальной отчужденности друг от друга... но как это становится возможным, при каких условиях? Как же это возможно, что бы один человек не мог распознать в «другом» такого же человека, как он сам, судьба и ситуация которого таковы же и настолько же трагичны, как и его собственные? Ты пишешь дословно следующее: «... дело в то, что Homo sapiens гораздо ближе к своим предкам, чем принято считать, и ему постоянно надо делать над собой усилие, чтобы заглушить в себе «голос предков» и стать Человеком или Сверхчеловеком, как говорил Ницше, а не просто двуногим животным, каким он и есть по своей сущности и природе...» ... для объяснения подобных вещей не достаточно упрощенного, столь распространенного представления о человеке как «двуногом животном», слегка преобразенном цивилизацией, природа которого в любой момент готова «прорваться» и заявить о себе... Прежде всего потому, что та ситуация, которая превращает человека в то, что мы видим на этом снимке – в орудие «ничто», орудие низложения ценности жизни и человека – имеет более глубокий смысл, более глубокие и трагические корни, причины... Подчиняясь установкам «объективистского», «социологического» взгляда на человека, доминирующего в картине мира современности, мы привыкли видеть в обществе фактор, формирующий и очеловечивающий человека, ретранслирующий моральные ценности существования, мы отождествляем моральность и человечность человека с его «социальной нормативностью», с его позитивной и продуктивной социализированностью, способностью разделять нормативные для социальной среды ценности, долженствования, установки... Порочность этой установки по ее сути и последствиям трудно переоценить, ведь разделяя ее, мы фактически отрицаем самобытность человека и его личностное начало, более того – именно в торжестве этой парадигмы человека коренятся истоки того шабаша «массовости» и «безличности», который определяет облик цивилизации уже на протяжении столетия, того тотального довленья социальной среды над человеком, которое нередко делает человека орудием «нормативных» для массы и при этом преступных деяний. Поразительно то, что масштабнейшие преступления против человечности, экзистенциальных и гуманистических ценностей, совершались в исторических перипетиях XX века внутри и от имени «социальной нормы», с позиций «морали», «системы ценностей и идеалов»,

подчиняющих себе бытие обществ и индивида внутри социальной среды. Проще говоря, совершались не политическими режимами, а обществами при их пособничестве политическим режимам или активном участии в преступлениях, под покровительством «общественной морали» и довлеющей над общественным сознанием «системы ценностей и идеалов». Парадоксальна и принципиальна та ситуация, когда в исторических реалиях XX века «позитивная социализированность» и «социальная нормативность» человека выступает не синонимом, а антитезой его человечности, синонимом его причастности к творимым обществом и властью преступлениям, отдаленности от нравственных истоков человеческого бытия. Бывает, что мы иронично смотрим на ту парадигму, которая на полном серьезе определяет облик цивилизации и бытия человека внутри нее – нет у человека большего смысла и предназначения, нежели «служить обществу», «быть продуктивным и полезным членом общества»... Приученные видеть в этой установке нечто привычное «уму и слуху», логичное для современной картины мира, мы даже не представляем какой подлинный, глубочайший нигилизм она заключает в себе, какое низложение ценности единичного человека и его бытия на самом деле содержится в подчинении безусловной ценности «единичного» ценностям «всеобщим», «коллективным», «социальным». Какой нигилизм заключен в отрицании единичного человека как самодостаточной ценности и цели самого себя, в утверждении его опосредованной ценности, которая измеряется социальной продуктивностью, полезностью и целесообразностью его бытия. Какой опасный, чудовищный по его последствиям нигилизм таит в себе функциональное, социально целесообразное отношение к человеку как «объекту» и «вещи», как к «средству», предназначенному для целей и процветания социального, всеобщего бытия... Как опасна, какой нигилистической силой отрицания пронизана попытка утверждать общество и его институты в качестве безусловной ценности, в соответствии с которой проясняется ценность чего-либо, критерия моральных долженствований. Попытка видеть в единичном человеке и его бытии не самодостаточную и безусловную ценность, а ценность, измеряемую социальной полезностью и целесообразностью человека, продуктивностью его участия во всеобщем существовании, по сути нигилистична и потенциально разрушительна. Торжество этой установки, ее укоренение в морали, в «этосе» и «ментосе» социальной среды, на деле обращается той практикой преступлений власти и общества против жизни, судеб и свободы миллионов людей, которая так ужасает наш разум и нашу совесть сегодня. Кажущаяся «привычной», «логичной», «морально невинной» установка, по сути заключает в себе низложение, отрицание ценности единичного человека, его жизни и судьбы, смещает человека с гуманистического «пьедестала» самодостаточной ценности и цели самого себя. Под ее кажущейся «правомочностью», «моральной благообразностью» скрывается то безразличие к трагедии смерти, к ценности неповторимой жизни и судьбы, к личности человека, которое определяет «типический» способ существования человека внутри цивилизации и ее отношение к человеку, проступающее из облика исторических событий... Подобная установка очевидно определяет мораль, идеологию и мировоззрение фашистских тоталитарных обществ, но если вдуматься – она заложена в морали цивилизации как таковой, определяет судьбу и бытие человека внутри нее, когда человек превращен цивилизацией в «придаток», в средство производства и приумножения благ повседневности, социальных ценностей и благ. Просто нужно вспомнить, что в эпоху, о которой мы говорим, война и геноцид, практика массовых убийств, политических и социальных репрессий мыслились не просто как приемлемое, а как неотъемлемое условие «строительства общества и нации», «утверждения моральных идеалов», «социального прогресса», реализации великих целей и т. д. Прогресс общества, «величие нации» и «новое мировое устройство» присваивали себе неотъемлемое право утверждать себя через миллионные жертвы, войну и террор. Такова была мораль цивилизации и типических обществ внутри нее, таковы были идеологии,

претендовавшие на формирование общественной морали и превращение в систему ценностей и идеалов, довлеющую над обществом и индивидом внутри социальной среды. Таковы были идеологии, претендующие на формирование морали и мировоззрения обществ, на «сплочение» и «цементирование» обществ и наций, превращение их в содержание сознания, морального и ценностного мира индивида внутри социальной среды, в установки, определяющие его поступки, решения, отношение к тем или иным вещам. Подобное не воспринималось в «типическом» сознании и ментальности эпохи как нечто «преступное», напротив – соответствовало основным парадигмам во взгляде эпохи на человека, в ее понимании бытия человека и человеческой истории, более того, человек воспитывался в сознании его долга служить «благу грядущих поколений», в осознании им необходимости пренебрегать ценностью себя и своей жизни во имя великих целей, стоящих перед «обществом», «нацией», «человечеством» и т. д. Проще говоря, подобные установки вполне соответствовали представлениям о «социальном и историческом прогрессе», «революции как условия этого прогресса», социал-дарвинистическим представлениям о истории как «борьбе рас и наций за существование», о человеке как социобиологическом индивиде, о предназначении человека для «служения обществу и целям всеобщего бытия»... Конечно, утверждение подобного отношения к человеку было сопряжено с торжеством, утверждением «социологической» парадигмы человека, взгляда на человека как социобиологический индивид, «составляющую» социального бытия, предназначенную для его «упрочения» и «процветания» – с исчезновением из образно-смыслового поля цивилизации и сознания эпохи символики экзистенциального опыта, осознания «личности» человека. Проще говоря, дегуманизация способа существования человека внутри цивилизации, дегуманизация и «нигилизация» отношения к человеку, были сопряжены с глубинными подвижками в осознании человека и его бытия, трансформацией определяющей облик и «этос» цивилизации парадигмы человека. Когда «типическое» сознание и официальное мировоззрение эпохи не способно разглядеть в человеке «личность», трагизм и неповторимость существования, трагизм и неповторимость судьбы, усматривает в нем лишь «статистическую единицу социального бытия», социобиологический индивид, представителя «расы», «рода», «нации» и т.д., формируется и соответствующее отношение к человеку как «средству» и «материалу», предназначенному для реализации «великих», «всеобщих», «коллективных» целей. Приемлемым становится сгноить, уничтожить многие тысячи таких «индивидов», «статистических единиц» во имя «величия и утверждения нации», «всеобщего прогресса», реализации великих социальных и политических замыслов и т.д., а проще говоря – на полях сражений, в «буднях» концентрационных лагерей и «великих строек», воплощения социальных программ и т. д. Патриотизм, идеи «всеобщего прогресса», верности человека расовому и национальному происхождению, предназначающей его для утверждения и процветания его «рода» – все это лишь «идолы», в служении которым оформляется извращенное понимание человека и извращенное, нигилистическое отношение к единичному человеку и его бытию, иначе – исчезновение из сознания эпохи гуманистического сознания личности в человеке и ее безусловной ценности. Проще говоря, дегуманизация бытия и сознания человека, становление нигилистического отношения к человеку происходят в сопряжении с торжеством, абсолютизацией «социологической» парадигмы человека и помутнением в сознании эпохи экзистенциального понимания человека, символики экзистенциального опыта. Поразительно то, что низложение ценностей экзистенциальных и гуманистических ложится в основание общественной «морали» и «социальной нормы», довлеющей над социальной средой «системы ценностей и идеалов», преступления против человечности привычно оправдываются моральными соображениями, высокими целями и идеалами, превышающими, как предполагается, ценность единичного человека и его жизни. Нацистские преступники недоуменно оправдывают жестокость

в отношении к врагам нации и расы «моральным долгом перед отечеством», необходимость массово умирать и убивать оправдывается борьбой за свободу и социальную справедливость, всеобщий прогресс и созидание нового миропорядка. Принципиально утверждает себя – на уровне практики и повседневности – довление ценностей коллективных и абстрактных, социальных над ценностью «единичного», что в конечном итоге обращается визуальным торжеством нигилизма, его невиданными масштабами. Парадокс и загадка в том, что нигилизм пронизывает собою «мораль», «социальную норму», «этос» социального бытия, застывает в морально-ценностных категориях, довлеющих над обществом и его сознанием, бытием индивида внутри общества. При этом апофеоз массовости и безликости, тотальность довлениа социальной среды над человеком, отождествление «моральности», «полноценности» человека с необходимостью для него жить и поступать «как все», разделять нормативные для общества и среды установки, становятся фактором наибольшего отдаления человека от нравственных истоков его бытия. Правда в том, что цивилизация познает обрушение в бездну уничтожения и отрицания именно с высоты «ценностей» и «идеалов», вдохновляющих ее бытие «моральных парадигм», пережитая ею в середине XX века катастрофа обращается попытками переосмысления «морали» и «ценностных идеалов», возвращения к нравственным истокам человеческого бытия, к преданным забвению экзистенциальным и гуманистическим ценностям. Приведя к катастрофе уничтожения и отрицания, низложения фундаментальных ценностей существования, извращенная мораль цивилизации ищет истоки возрождения и обновления, которые призваны предотвратить последующую катастрофу, в контексте этого процесса впервые осмысливается и осуждается «идеология», пронизывающий определенную «систему ценностей и идеалов» нигилизм. Советские гуманисты времен «оттепели» расшатывают привычное сознание и привычную мораль, задавая вопрос – приемлемо ли, что «родина», «общество» и «прогресс» есть для нас «все», а отдельный человек в трагизме и неповторимости его судьбы – «ничто»? Перед нами предстает феномен извращения «социальной нормы», извращения «этоса» и «ментоса» социального бытия, довление которого над отдельным человеком становится синонимом его отдаления от истоков его человечности, соучастия в творимых обществами и режимами преступлений. Парадокс в том, что извращение социальной нормы и социального бытия превращает человечность в путь совести и личной ответственности, путь одиночества, риска и противостояния, связывает человечность человека с раскрытостью его личного начала, его способности на путь свободы и ответственности за себя, противостояния с позиций совести «морали», ценностям и идеалам социальной среды. Позиция совести как никогда означает одиночество и противостояние, скепсис и отрицание в отношении к морально-ценностным установкам социальной среды, вследствие чего нередко предстает как «аморальность», «отщепенничество», «нигилизм», надежда на человечность человека становится связана с его свободой и личностным началом, способностью действовать из внутренних истоков и долженствований, под личную ответственность. Как никогда человечность человека, сама его сущность становятся связанными с его личностным началом, его самобытностью, с его «больше-чем-социальностью», готовность человека действовать, опираясь на правду совести и непреложный характер ее требований, исходя из полноты личной ответственности, становится залом того, что человек будет человек. Как никогда позиция совести подразумевает низложение общепринятых ценностей, установок, моральных норм, противостояние социальной среде, преступление против законов государства, решимость человека смотреть на мораль общества и законы государства скептически, критически. Потому то свобода и личность, все то, что неотвратимо связано с ними – совесть, опыт моральной ответственности, способность решать, критичность мышления и восприятия – оказываются наиболее опасными, враждебными для социальной среды, утверждающей свою «монолитность» через тотальность ее довлениа над человеком. Подчинение и «ведомость»,

растворенность в бытии среды, следование в русле навязанных ею ценностей и установок, неспособность человека отнестись к происходящему с позиций личной совести и личной ответственности, становятся почвой превращения человека в орудие преступлений, совершаемых им в рамках его «социальной нормативности» и «моральности», лояльности законам государства и общепринятым нормам. Посмотрев на этот снимок, попробуй не задайся вопросом – как же это возможно, что бы обычный, «социально нормативный» человек, поступающий в русле моральных установок, идеалов и ценностей социальной среды, массово оказался способен на совершение деяний, преступающих против последней ценности существования и человека? Как возможно, что бы человек и существование настолько утратили ценность в сознании, установках и ментальности массы, в мощи властвующих над ней аффектов, мифов, идей? Как может апофеоз нигилизма и отрицания, низложения ценности бытия превратиться в эпохальное, экзистенциальное состояние человека внутри цивилизации, оформляющееся в облике исторических катастроф, становлении тоталитарных идеологий и обществ, безраздельной власти над массой воли кровавых диктаторов, абстрактных идей и иллюзий? Подобное низложение ценности существования и человека в вихрях социальных и исторических катастроф – не является оно лишь выражением низложенности ценности человека и его бытия в «этосе» цивилизации, в ее нормах и буднях, в привычных реалиях того человеческого мира, который потрясают эти катастрофы? Может быть торжество нигилизма, пронизывающее облик исторических событий, является лишь следствием и выражением той обесцененности человека и существования, которая заложена в морали и основополагающих парадигмах цивилизации, в «устойчивых», «типических» формах существования человека, которые она продуцирует, проще говоря – в том положении в мире, на которое цивилизация обрекает человека? Подобные ужасы, определяющие облик исторических событий, объяснимы только превращением нигилизма, культа смерти и отрицания в экзистенциальное состояние массы, само это в свою очередь может быть объяснимо только глубочайшими подвижками в способе существования человека, дегуманизацией мира и бытия человека внутри цивилизации, проще говоря – глубочайшими и трагическими противоречиями в способе существования человека внутри цивилизации и того положения, на которое она его обрекает. Перед нами предстает тот апофеоз нигилизма, низложения человека, отрицания ценности человека и его бытия, которым по сути, в ее «этосе» и основополагающих установках является цивилизация «всеобщего прогресса», «производства и потребления». В самых своих основаниях низлагающая человека, нигилистичная в отношении к судьбе единичного человека и ценности его бытия, эта цивилизация заключает в себе то глубинное противоречие, которое периодически приводит к историческим всплескам нигилизма, к восстанию человека против существования, которое переживается им как ад бессмыслицы, проклятие, зло. Приговоренный цивилизацией к положению ожидающей уничтожения вещи, придатка созданного цивилизацией мира повседневного благополучия, к существованию как аду бессмыслицы, «временению по пути к смерти», человек отрицает существование, восстает против проклятия бессмысленного бытия. Превращая существование человека в царство времени, смерти, бессмыслицы, в апофеоз повседневной безликости и функциональности, низлагая и отрицая человека как ценность, цивилизация обрекает человека на отрицание существования, на восстание против того проклятия и страдания, которым является для человека бытие. Проще говоря, дегуманизация существования человека, пронизывающая «этос» цивилизации, ее «будни» и «нормы», ее основополагающие парадигмы и установки, порождает периодически сотрясающие бытие цивилизации всплески нигилизма и отрицания. . . Парадигма утверждения общества и его институтов как безусловной ценности, подминающей под себя «единичное», предназначенности человека для служения «общественному прогрессу и процветанию», целям всеобщего бытия, производства ценностей и благ повседневности, на деле означает торжество

нигилизма, низложения человека как ценности и цели самого себя, функционального отношения к человеку не как к ценности, а как к «вещи» и «средству». По сути дела, именно отсюда – из нигилистической и дегуманизированной парадигмы человека и его бытия, определяющей облик и «этос» цивилизации, проистекает отрицание существования, восстание человека против бессмысленного, враждебного человеку и извращенного существования как того рока, на который его обрекает цивилизация. Пронизывающее исторические катастрофы низложение ценности человека и его жизни выступает как продолжение, апофеоз того низложения человека, той обесцененности человека и существования, которые пронизывают «этос» цивилизации, ее «нормы» и «будни», «типический» способ существования внутри нее. Проще говоря, тот мир, который десакрализует человека и его бытие, обесценивает их и превращает их в «ничто», рано или поздно сам превращается в визуальное торжество нигилизма, в карнавал смерти и отрицания, самого человека превращает в орудие уничтожения и отрицания. Те глубинные процессы в способе существования и положении человека, которые определяют «этос» и облик цивилизации, прорываются наружу в вихрях исторических катастроф и пронизывающем их торжестве нигилизма. Более того, обесцененность, низложенность человека и его бытия в «этосе» цивилизации, в ее «буднях» делает возможным тот апофеоз нигилизма, отрицания ценности человека и существования, который определяет облик исторических событий, масштабные исторические авантюры. Проблема в том, что цивилизация «всеобщего прогресса» в ее основополагающих парадигмах и установках пронизана нигилизмом, дегуманизирована, низлагает ценность человека его бытия, враждебна его личности, «единичности», человечности как таковой. Поэтому нет причин удивляться тому, что ее история пронизана масштабными взрывами нигилизма, отрицания ценности человека и существования, обретающими облик исторических и социальных катастроф. Цивилизация «социального прогресса», «производства и потребления» содержит в себе глубочайшее противоречие – она отрицает единичного человека как самодостаточную ценность и цель самого себя, низлагает ценность человека и его существования, обесмысливает существование человека, превращая его в придаток созданного ей мира вещей и благ повседневности, а его бытие – в безразличное ожидание смерти, уничтожения... Подобное противоречие обращается отрицанием существования, превратившимся в экзистенциальное состояние массы – человек, низложенный в его ценности, восстает против проклятия бессмысленного, извращенного существования, на которое как на рок его обрекает цивилизация, он умирает и убивает, словно бы «верша суд» над злом и проклятием бытия. По сути, отрицая существование, словно бы избавляясь от него как «ненавистной и мучительной ноши», человек восстает против того положения и удела, на который его обрекает цивилизация, состояние человека массы проступает из облика исторических событий подобным тому состоянию отчаяния, отрицания и ненависти к жизни, которое передано Ф. Достоевским через образ Кириллова, а Л. Толстым – в начале его «Исповеди». То безразличие к существованию, трагедии смерти, которое дышит нам в лицо из этого снимка, превращенность самых обычных, «типических» людей в холодное, безразличное орудие уничтожения, не объяснимы ничем иным кроме безраздельной власти над человеком эпохи отрицания и отчаяния, предельной обесцененности для него существования, его превращенности в «ничто». Безразличие к ценности человека и жизни, покорное и безразличное участие в круговороте запланированной и целесообразной смерти, проступает на этом снимке и в облике жертв, и в облике палачей. То отрицание существования, о котором мы говорим, проступает в готовности миллионов масс приносить существование в жертву на алтарь иллюзий, химерических и абстрактных ценностей, безразлично отдавать и отнимать жизнь «во имя» и по воле политических вождей. Приглядимся к фактам – «типический» человек эпохи действует так, словно бы бытие есть для него «ничто»,

зло и страдание большее, нежели смерть, он с легкостью ввергается в исторические авантюры, подразумевающие необходимость безразлично отнимать и отдавать жизнь... Под громыханием идеалов и возносимых «над всем» абстрактных целей, начиная с «величия родины и нации» и кончая «идеей всеобщего прогресса» и «мессианского претворения истории», со всей неумолимостью проступает неоспоримый, очевидный факт – для «типического» человека эпохи существование есть «ничто», проклятие и зло в большей мере, нежели ценность, дар. Привыкая в «буднях» и «нормах» цивилизации к своей «обничтоженности», к обреченности на положение средства, «материала», ожидающей смерти вещи, проще говоря – к обесцененности своего бытия, человек безразлично, «с легкостью» отдает и отнимает существование, подчиняясь прихоти власть имущих, во имя навязанных ему химерических, абстрактных целей. По сути дела, мера власти над человеком эпохи воли политических вождей, идей и мифов, абстрактных целей и т. д. пропорциональна власти над ним «ничто», пустоты и отрицания, безразличию человека к ценности бытия. Там, где существование человека превращено в безразличное ожидание смерти, апофеоз повседневной безликости и функциональности, где человек низведен до «средства» производства и приумножения социальных благ и ценностей – человек и его существование обесценены, превращены в «ничто». Парадигма человека и его бытия, определяющая облик цивилизации, пронизана безразличием к трагедии смерти, временности и конечности человека, в ней заложено отрицание человека как ценности и цели самого себя – именно в этом таятся причины, по которым навязанная цивилизацией данность существования предстает человеку как пошлость, бессмыслица, зло. Подобная обесцененность, десакрализованность человека и его бытия в «этом» цивилизации, в «типических», «устойчивых» формах существования человека внутри цивилизации, с чудовищным масштабом и символизмом проступает в перипетиях исторических катастроф, в готовности человека безразлично умирать и убивать «среди борющихся машин» во имя мифов, иллюзий, идеологических химер. Несомненно одно – облик исторических событий определяет нигилизм, превратившийся в экзистенциальное состояние массы, отрицание существования как могучий аффект, властвующий над типическим человеком эпохи. Жизнь становится для человека «ничто», переживается им как зло, бессмыслица, ад, и человек отрицает жизнь, в совершаемых им действиях низлагает ее и вершит над ней «суд», безразлично ввергается в авантюры, подразумевающие необходимость отнимать и отдавать ее. Практика, чудовищная повседневность исторических, социальных событий воочию свидетельствует о том, насколько человек и его жизнь превращены в «ничто», лишены последней ценности, над ценностью «единичного» безраздельно довлеют ценности социальные, абстрактные. Попытка понять смысл этих событий и превращение нигилизма в дух эпохи, в состояние «типического» для нее человека, неотделима от необходимости проникнуть в ситуацию человека внутри пространства цивилизации, прояснить суть противоречий, пронизывающих способ существования и положение человека внутри цивилизации. Причин этого может быть несколько, прежде всего – беззащитность человека эпохи перед осознанием смерти, трагическим опытом «пробуждения», который неотвратим в мире, в котором «бог умер» и религиозный миф утратил всякую действительность, достоверность. Проще говоря, трагедия «пробуждения», которая прежде являлась уделом единиц, которой сопутствует катастрофа существования и опыт отрицания, в мире «без бога» становится состоянием массы, от соприкосновения с ужасом смерти отделенной лишь хрупкой пеленой повседневного забвения. Проблема в том, что вместе с опытом «пробуждения» наличная данность существования как «временения по пути к смерти» становится для человека адом бессмыслицы, он отрицает возможность и смысл быть так, как ему дано быть, обладая жизнью как некой отсрочкой приговора. При том, что социальная повседневность человеческого бытия всегда является бессмыслицей, трагически

предстает таковой в опыте «пробуждения», незнанием о смерти, об обреченности на уход в небытие человек защищен от познания, как говорил Л. Толстой, страшной и несомненной истины – бессмысленности того, что дано ему как жизнь. Когда смерть как судьба, жизнь как неумолимость движения к смерти сокрыты от человека, от него сокрыты так же и трагические реалии его настоящего, бессмысленность жизни как растворенного в водовороте повседневности, безразличного и покорного ожидания смерти, настоящее и подлинные реалии его бытия открываются человеку лицом смерти, бессмыслицы, пустоты. Познав смерть как неумолимо приближающуюся судьбу, человек сталкивается со страшной истиной о бессмысленности жизни в том, как она дана ему, познает обрушение в бездну пусты, отрицания, неизвестности, невозможность жить так, как ему дано жить, и незнание путей к спасению. Пробужденность становится фактически катастрофой человека и его существования, обращается трагическим опытом отрицания, истоком его конфликта с миром и наличной данностью бытия. Беззащитность перед осознанием смерти, существование на обломках религиозного мифа в качестве некой культурной ситуации человека может быть признано причиной отрицания бытия, восстания человека против извращенной, абсурдной данности его бытия и положения в мире. Помимо этого, и это главное – апофеоз нигилизма и отрицания бытия связан с дегуманизованностью мира и бытия человека в пространстве цивилизации, превращенностью человека в ожидающую смерти «вещь», в «средство производства», в «придаток» созданного цивилизацией мира вещей и повседневного комфорта, превращенностью существования человека в нечто, наиболее враждебное ему, обесцененное – ожидание смерти, производство и использование вещей, апофеоз повседневной функциональности. Безразличие цивилизации и ее «ценностного мира» к трагедии смерти, конечности человека, превращается в обесцененность человека и его существования, становится почвой превращения человека в «средство», «объект». Проще говоря, мир и навязанный человеку способ существования отрицают его как ценность и цель самого себя, низлагают ценность его неповторимой жизни, человек превращен в функцию повседневного, в средство всеобщего процветания и прогресса, его существование превращено в царство времени, забвения, смерти... Поэтому через нигилизм и отрицание человек восстает против того удела, на который его обрекает мир, против положения ожидающей смерти, бессмысленной и для чего-то предназначенной «вещи», он отрицает существование, которое из дара становится для него «проклятием», «адом», «злом». Могучий порыв отрицания, низложения жизни предстает нам в готовности масс убивать и умирать во имя абстрактных, всеобщих целей и идеалов, пособничать и свидетельствовать творимым властью преступлениям против гуманистических ценностей, смыслом которых является отношение к человеку как к «средству», «вещи», «ничто». То, что предстает нам в облике исторических катастроф – это гибельный танец человека, над которым властвуют отчаяние, отрицание, пустота, который силой отрицания и служения смерти словно заявляет о том, что человек должен быть всегда ценностью и целью, и никогда – средством. Перед нами – пронизывающий «этос» и «будни» цивилизации нигилизм в отношении к человеку, определяющее «типический» способ существования и положение человека отрицание ценности человека и его бытия, которое неотвратимо обращается преступлением против жизней и судеб миллионов людей в вихрях исторических катастроф. Проще говоря, в мире, в привычных «буднях» и «нормах» которого человек и его жизнь обесценены и превращены в «ничто», не могли не возникнуть концентрационные лагеря, великие стройки и проекты, реализация которых требовала сотен тысяч жизней, поля миллионных сражений и ужасы промышленного уничтожения людей. Потому что десакрализованность, обесцененность человека и его существования в «этосе» цивилизации, в ее повседневности, неотвратимо обращается инфернальным, символическим торжеством нигилизма в потрясающих ее исторических катаклизмах. Укорененность нигилистического,

функционального отношения к человеку в «типическом» способе его существования, в ценностно-целевых установках цивилизации, в ее повседневности, неотвратно приводит к апофеозу нигилизма в облике сотрясающих цивилизацию исторических катастроф. Потому что человек и его существование с точки зрения морально-ценностных категорий, нормативного способа существования, парадигмы человека превращены в «ничто» – в придаток всеобщего блага и процветания, повседневного комфорта, человек обречен на удел, имя которому – временность, забвение, уничтожение. Когда существование является для человека ценностью, разделяемой им с многими людьми вокруг, миллионные массы людей не идут убивать друг друга, безвестно гибнуть и исчезать с лица земли во имя абстрактных ценностей и идеалов, своими действиями словно бы свершая культ смерти и отрицания, подлинной задачей является здесь понять причины и истоки подобного нигилизма, его власти над массой, сам его факт не вызывает сомнений. Превращенный в «средство» и «вещь», обреченный на покорность и безразличие перед лицом смерти, низложенный в типическом способе его существования, человек приходит к апофеозу отрицания, он восстает против существования, которое становится для него проклятием, бессмыслицей, злом. Кроме владеющего массой отрицания жизни, восстания против «зла» жизни, низложенности человека, обесцененности и обесмысленности его существования в «буднях» цивилизации, ничем нельзя объяснить тот апофеоз фактического нигилизма, который проступает из исторически событий. Безразличие «ценностного мира» цивилизации к трагедии смерти, низложенность человека в «буднях» цивилизации, обесмысленность и обесцененность его существования, низведенного до ожидания смерти, производства и использования вещей, социального функционирования – таковы возможные истоки того масштабного отрицания бытия, которое определяет облик исторической эпохи. Приглядимся к эпохе и решимся прояснить очевидное – внутри цивилизации, в ее «этосе», в положении человека в ней и его «типическом» способе существования, человек низложен как ценность, превращен в «ничто», в функцию социально-повседневного бытия, в «средство» производства и приумножения социальных благ, смерть человека больше не является трагедией, его неповторимая жизнь – подлинной ценностью, ибо она низведена до «временения по пути к смерти», предназначена для производства «всеобщих благ». Трудно найти нечто более нигилистическое, низлагающее ценность человека и его жизни, нежели концепция «трудящегося человека», жизнь которого предназначена для «беззаветного служения обществу» и производства социально-повседневных благ – такая парадигма человека и его бытия подразумевает человека не как ценность и цель самого себя, а как «средство», «вещь», безразлична к трагедии смерти, конечности человека. Безразличие к трагедии смерти, пронизывающее весь строй цивилизации и способ существования человек в ней, ее ценностно-целевые установки, является истоком низложения, обесценения человека и его бытия, почвой превращения человека в «средство», «объект», «вещь». Нигилизм цивилизации в отношении к единичному человеку, когда в «буднях» цивилизации и облике исторических событий человек превращен в «глину прогресса», в «материал» исторических авантюр, в средство производства благ повседневности, проистекает из пронизывающего устои цивилизации безразличия к трагедии смерти. Там, где смерть человека перестает быть трагедией, человек и его бытие перестают быть подлинной ценностью, из отношения к смерти как трагедии проистекает любовь к человеку, утверждение человека как безусловной ценности и цели самого себя. На самом деле, безразличие к трагедии смерти, порождающее нигилистическое безразличие к человеку и его неповторимой жизни, с точки зрения оснований культуры, способа бытия человека отбрасывало культуру и цивилизацию в их понимании человека и отношении к человеку на тысячелетия назад. Начиная с эпохи «осевого времени» трагедия смерти – это то изначальное, принципиальное, что тем или иным образом осмысливается и разрешается в основаниях культуры, способа бытия человека. Гуманистическая концепция человека

изначально обращена к трагедии смерти и личностной, неповторимой судьбы человека. Бытие человека превращено в круговорот безликого, целесообразного функционирования и умирания, когда единственным предназначением человека на коротком промежутке между рождением и смертью является «служение всеобщему благу» и наиболее «продуктивное» функционирование в социальной повседневности, производство социальных благ. Перед нами – круговорот безлико-функциональной, «усредненной» жизни и «целесообразной», «функциональной» смерти, а по другому – царство времени и смерти, бессмыслицы, «ничто». Потому что если нет ничего трагического, чудовищного, абсурдного в смерти как судьбе, в обреченности человека рано или поздно уйти в небытие, неизвестно и безлико «сгинуть», в существовании как безразличном движении к смерти, ее «ожидании», то человек и его существование есть «ничто», лишены какой-либо ценности. Безразличие к трагедии смерти как судьбы человека есть исток нигилистического безразличия к ценности человека и его бытия. Бессмысленно существовать, если существование есть покорное, безразличное приближение к смерти, истоки смысла становятся связанными здесь с противостоянием смерти и борьбой за вечность, с творчеством и самоутверждением человека в творчестве, само самоутверждение человека означает здесь вырывание им себя из водоворота временности и повседневности, с противостоянием смерти и приобщением вечности. Концепция человека как «функции повседневного», как социального индивида, бытие которого предназначено для «служения обществу», производства и приумножения социальных благ – это квинтэссенция низложения человека, нигилистического обесценения человека и его бытия. Трагедия смерти, конечности человека не находит в этой парадигме человека и его бытия, его предназначения и места в мире какого-либо разрешения, кроме безразличия к смерти, обреченности на уничтожение, а значит – сам человек и его бытие внутри этой парадигмы превращены в «ничто», обесценены. Творчество – это основание гуманистической концепции человека, в которой человек предстает как подлинная ценность и цель самого себя, через творчество существование человека из «ожидания смерти», апофеоза повседневной безликости и функциональности становится самоутверждением, противостоянием смерти, борьбой за сопричастность вечности. Творчество выступает как основание самоутверждения человека, его противостояния небытию и забвению как судьбе, а значит – как условие и источник смысла существования. Проблема состоит в том, что на смену парадигме человека-творца, трудом над собой и талантом завоевывающего смысл, спасение и надежду на вечность, приходит концепция «трудящегося человека», бытие которого предназначено для производства, приумножения и использования социальных благ, человека как функции социальной повседневности. Проще говоря, в реалиях новейшей цивилизации мир и бытие человека пронизаны процессами дегуманизации, низложения ценности человека, когда типический способ существования человека, парадигмы и установки цивилизации предстают как нечто, наиболее враждебное человеку, отрицающее человека как ценность и цель самого себя. Попытка понять торжество нигилизма, определяющее облик исторических событий первой половины XX века, требует проникновения в те противоречия, которые заключают в себе способ существования и положение человека внутри цивилизации, определяющая ее облик парадигма человека. Когда низложенность человека, его превращенность из «творца» и самодостаточной ценности в «составляющую» социального бытия, в безразличную к себе и собственной судьбе функцию социальной повседневности, в конечном итоге лишает существование человека ценности и смысла, приводит к его восстанию против «зла» и «проклятия» бытия. Причины нужно искать в ситуации и положении человека внутри цивилизации, в его низложенности, обесцененности, в противоречиях в способе существования человека, когда таковой предстает как нечто, наиболее враждебное личностному началу в человеке, его единичности, собственно – его человечности. Конечно, если понимать «человечность» как то начало любви в человеке,

которое связано в нем с волей к вечности и противостоянию смерти, служением бытию как ценности и дару, как некую антитезу торжества в нем нигилистического безразличия к существованию. Там, где бытие не является для человека ценностью, которую он утверждает в деяниях и способе бытия, человек не может быть человечен, как и там, где он безразличен к трагедии смерти. Там, где бытие является ценностью для человека, он не может быть безразличен к смерти и бесследному протеканию бытия и его мгновений к смерти в перипетиях повседневности, любовь к бытию и ценность бытия для человека побуждают человека к противостоянию смерти, борьбе за сопричастность вечности. Безразличие к трагизму смерти, проистекающее из него безразличие к ценности жизни, утверждающаяся на почве этого безразличия установка использовать дар жизни, проводить его «по пути к смерти» сообразно обстоятельствам повседневности – это, собственно, антитеза человечности, духовности созидательности человека. Примирение со смертью как неотвратимой судьбой, с бесследным «протеканием» бытия и его мгновений к смерти антагонистично любви к бытию, нравственной ответственности за дар бытия, ценности и сакральности бытия для человека, фактически – оно означает торжество нигилизма в существе человека, смерть в нем его духовного, нравственного, личностного начала. Приглядимся – мы говорим о том нигилистическом безразличии, враждебном началу любви и нравственной личности в человеке, ценности для него бытия, которое пронизывает этос цивилизации, на которое человек обречен как на «типический» способ его существования. Торжество этого нигилистического безразличия к бытию, его обесценения и десакрализации, вымертвление из человека его человечности, будучи заложенными в этосе и ментосе цивилизации, обосновывающей ее парадигме человека и его бытия, в конечном итоге обращаются апофеозом преступлений против существования и человека, совершаемых цивилизацией. По сути дела, ужасы исторических катастроф в первой половине XX века мы должны понимать как «превращение латентного в актуальное», как чудовищное его масштабам и беспредельностью осуществление того нигилистического низложения человека, обесценения его личности и бытия, функционально-целесообразного отношения к нему, которое заложено в самых основаниях цивилизации. В ужасах социальных и исторических катастроф, в превращении миллионов жизней и судеб «материал» авантюры, «глину прогресса», в «пушечное мясо», которым окупаются великие цели и идеи, пред нами предстает актуализация, «выход на поверхность» тех процессов, глубочайших подвижек в парадигме человека и способе его существования, которые пронизывают устойчивое существование цивилизации, ее «нормы» и «будни». Торжествующее в вихрях исторических событий низложение ценности человека и существования, является лишь неотвратимым, inferнальным его масштабами и радикальностью следствием дегуманизации судьбы и бытия человека в реалиях цивилизации, того обесценения личности и бытия человека, которое пронизывает самые «устои» цивилизации, ее «этос», продуцируемый ею способ существования человека. Напрасно питать иллюзии – человека, обреченного на судьбу ожидающей смерти «вещи», целесообразно вплетенной во всеобщее существование, в котором вымертвлено отношение к себе и существованию как к ценности, невозможно принудить блюсти, почитать святость и ценность жизни и личности другого. Тем более – когда это и не требуется, когда социальная и цивилизационная среда, ее мифы, идеалы и «моральные установки» вменяют ему в обязанность умирать и убивать во имя великой цели и всеобщего процветания. Превращенный в «ничто» в реалиях своего положения, бытия и судьбы в пространстве цивилизации, человек сам становится орудием «ничто» – смерти, отрицания ценности жизни и другого человека. Когда он сам, его неповторимая жизнь и судьба есть для человека «ничто», ничего не значат для него, лишены для него какой-либо ценности и смысла, в его существе не остается никаких моральных и экзистенциальных барьеров, которые заставили бы его остановиться перед необходимостью, совершить преступления против жизни, судьбы и личности «другого», то есть ничего, что побудило бы его признать

ценность жизни и личности другого человека. Приговоренный к судьбе целесообразной «вещи», существование которой лишено какой-либо ценности, человек сам превращается в орудие смерти и отрицания, низложения ценности жизни и человека. Когда он сам и его жизнь являются для человека ценностью, в нем существуют нравственные, духовные барьеры перед преступлением против ценности жизни, судьбы и личности другого, та же совесть, которая делает его нравственно ответственным за собственное бытие, делает его ответственным перед бытием и личностью «другого», единичностью и неповторимостью «другого». По сути дела, судьба жертв в принципе подобна здесь судьбе их убийц и мучителей, сегодняшний преступник завтра разделяет судьбу жертвы в идентичных обстоятельствах, те и другие лишь покорно участвуют в круговороте функциональной, «целесообразной» жизни и столь же «целесообразной» смерти, в том низложении ценности жизни и человека которое превратилось в состояние эпохи, в ментальное и экзистенциальное состояние человека в реалиях цивилизации. По сути дела, даже не совесть и личность, а последняя любовь к бытию, последняя ценность бытия для человека делают его непокорным перед лицом довлениия, насилия внешней воли, социальной среды, в особенности – перед лицом необходимости совершать преступления против ценности жизни. Проще говоря, власть над человеком «ничто», то есть пустоты, отрицания, отчаяния, обесцененность и обесмысленность для него существования являются почвой превращения человека в покорное, безразличное орудие массовых преступлений против ценности человека и жизни, человек является здесь преступником в той же мере, в которой и жертвой. То есть человек становится тем, чем делает его мир – безразличным к себе и собственной судьбе, к ценности судьбы и жизни всякого «другого» орудием отрицания, смерти, уничтожения, власть «ничто», низложенность и обесцененность человека заявляют о себе в его поступках, в движениях человеческой массы. Превращенный в «ничто» и лишенный последней ценности, человек становится покорным орудием преступлений, орудием «ничто» – смерти, отрицания, «низложения». Под «человечностью» мы должны понимать духовное, нравственное начало любви в человеке, которое побуждает человека к противостоянию смерти и борьбе за вечность, к ответственности за дар бытия, служению ему как ценности, в конечном итоге – делает его способным на ту жертву в творчестве и работе над собой, которая позволяет человеку обрести смысл бытия. По сути дела, «человечность» делает человека нравственно ответственным за бытие, способным на противостояние смерти, «посвящение» бытия и подвиг творчества, обретение в этом смысла, противостояние пустоте и абсурду через жертву в творчестве и работе над собой, она является некой антитезой нигилистической установки на использование бытия, примирения с абсурдной повседневной данностью бытия человека. Там, где нет вечности, где над бытием человека властвуют время, забвение и смерть, где бытие – это не противостояние смерти, творчество и самоутверждение, а апофеоз повседневной безликости и функциональности, некая «отсрочка» перед смертью, не может быть и смысла, существование предстает здесь человеку лишенным смысла и ценности, как мука, «проклятие» и «зло», а не как «дар». Творчество есть основание гуманистической концепции человека и его бытия, условие самоутверждения человека и смысла его существования, в посвященности существования творчеству находит разрешение трагедия смерти, конечности и временности человека, бессмысленности его повседневного существования. Концепция человека как «составляющей социального бытия», ценность которой измеряется ее социальной продуктивностью и полезностью, бытия человека как «труда на всеобщее благо», «производства и использования ценностей повседневности», «исполнения социального предназначения и социальных обязательств» – это торжество нигилистического низложения человека, отрицания его как самостоятельной ценности. Как то незаметно вместе с «прогрессом цивилизации», с разрастанием ее структур человек из ценности и цели самого себя превращается в «вещь», в «придаток» созданного цивилизацией

механизма «процветающей повседневности», сиюминутности, мира вещей и комфорта. Превращение повседневного комфорта в безусловную ценность, абсолютизация повседневной составляющей человеческого бытия, как то само собой низложили ценность единичного существования, в принципе существования, превращение человека в «средство» процветания и прогресса этой «повседневной составляющей», производства благ повседневности, превратили человека в безликую «функцию», в «вещь», в нечто, лишенное подлинной ценности. Концепция «человека-творца» и человека как трудящейся на всеобщее благо «социальной единицы», участвующей в производстве и приумножении благ социальной повседневности, глубоко антагонистичны. Первая утверждает человека как ценность и цель самого себя, является основанием любви к человеку и отношения к нему как к «субъекту», вторая – низлагает человека, является основанием его «объективации», функционально-целесообразного отношения к нему, она словно бы «не знает» единичности человека и отрицает его как самодостаточную ценность, измеряет таковую его социальной полезностью, продуктивностью, целесообразностью. Когда смерть человека не рассматривается как трагедия, а лишь как «естественный ход вещей», когда человек мыслится как социальный индивид, составляющая всеобщего бытия, отдельное бытие которой предназначено для всеобщего прогресса и процветания, приумножения социальных благ – человек превращается в «ничто», торжествует целесообразное отношение к человеку, отрицающее его как ценность. Цивилизация «развивается», повседневная составляющая человеческого бытия абсолютизируется в ее пространстве, человек становится «нужен» и предназначается для производства вещей, повседневных благ и удобств, безликое и безразличное к трагедии смерти функционирование в повседневности превращается в способ его бытия – здесь истоки нигилистического низложения человека, превращения его в «вещь», в «ничто», в придаток созданного цивилизацией мира вещей и повседневного комфорта, обесценения его существования. Противоречие здесь в том, что логикой «прогресса» промышленной цивилизации человек становится превращен в безликую и безразличную к трагедии собственной конечности «функцию повседневного», предназначен для производства вещей, благ и комфорта повседневной составляющей его бытия, его уделом становится «временение по пути к смерти». Признаем очевидное: новейшая цивилизация – это цивилизация повседневности, абсолютизирующая блага и ценности повседневности, предназначающее для их производства и приумножения судьбу и бытие человека внутри нее, комфорт и безопасность повседневности она мыслит как свое главное нравственное завоевание. При этом – и возможно поэтому – эта цивилизация фактически обесценивает человека и его бытие, уходит от постановки и разрешения тех дилемм, с разрешением которых связаны для человека смысл и ценность его существования. Там, где смерть, конечность и временность человека не являются трагедией, тем или иным образом осмысливаемой и разрешаемой в истоках, основаниях способа человеческого бытия, в парадигме судьбы и пути человека в мире, его предназначения, там человек и его существование по определению не являются ценностью. Когда мы видим перед собой человека, приходящего в мир для того, что бы продуктивно и целесообразно функционировать согласно интересам и потребностям общества, производить вещи, приумножать и использовать блага повседневности, воспроизводить социально продуктивную популяцию для того, в конечном итоге, что бы бесследно сгинуть и исчезнуть в небытие, мы не можем не прийти к выводу, что человек и его бытие есть «ничто» для мира, обрекающего человека на подобную судьбу. По сути дела, способ и данность существования, сформировавшиеся, устоявшиеся на основании подобной парадигмы, предстают человеку в минуты «пробуждения», осознания себя и своей ситуации как зло и проклятие, ад бессмыслицы и пустоты, отчаяние и отрицание бытия становятся состоянием человека перед лицом его положения и ситуации в мире, в реалиях цивилизации. Парадигма «социологического» человека, социально «продуктивного» и «полезного» бытия, способ

которого обусловлен «правильным» пониманием социальной природы и сущности человека – это исток «обнищоживания» человека, превращения его в «вещь», лишенную подлинной ценности. Концепция «социально полезного труда» как смысла и предназначения бытия человека, «служения всеобщему» и «производства благ повседневности» как цели его бытия – это торжество нигилистического отрицания человека в его единичности, как ценности и цели самого себя, которое при этом застывает в моральных идеалах и установках, неотвратимо обращается преступлением против существования и судеб миллионов во имя «великих», «всеобщих» целей. Когда человек мыслится предназначенным для того, что бы созидать и раскрывать бесконечность своих возможностей, в плодах жертвы и труда обретая вечность, «лицо» и самоутверждение, надежду перед лицом смерти и смысл, мы не можем не признать, что в подобном «предназначении» человек выступает как ценность и цель самого себя. Когда человек предназначается для «служения обществу» и приумножения его ценностей, для производства используемых им вещей и удовлетворения сиюминутных потребностей, мы очевидно оказываемся перед неутешительным выводом о том, что в подобной парадигме человека он есть «ничто». Парадокс в том, что мораль цивилизации, провозглашающая «борьбу за социальные идеалы» и усматривающая цель и смысл бытия человека в «служении всеобщему процветанию», подчиняющая ценность «единичного» ценностям социальным, абстрактным, коллективным, на деле заключает в себе нигилизм, чудовищный по его масштабам и последствиям. Нигилизм заключен в самой этой морали и парадигме человека, а вовсе не в отрицании с позиций совести определяющих ее установок и идеалов. Когда человек в реалиях его мира и существования, под мантры «высоких моральных идеалов» на деле превращен в «ничто», в лишенную последней ценности «вещь», в «штифтик» в механизме всеобщего процветания, в свои права вступает безграничность отрицания, тогда то звучит крамольная мысль Ф. Достоевского из «Записок из подполья» – «чтобы вам всем сдохнуть, а мне что бы чай пить». То есть – чего стоит мир и на кой черт он нужен, если человек в нем лишь «ничто», бессмыслица, безлика «вещь», чего стоит жизнь, если она есть лишь безразличное ожидание уничтожения? На кой нужен комфортный и «приятный взгляду» мир, в котором удобно проводить жизнь и «растет всеобщее благосостояние», если человек в нем есть лишь «вещь», судьба которой – временение, забвение, небытие, если жизнь человека в этом мире есть бессмыслица, царство времени, смерти, забвения? Тут истоки того трагического опыта, когда существование человеческих масс внутри цивилизации становится апофеозом отрицания существования, отрицания мира и самой цивилизации, столь извратившей, обесценившей существование человека. Помещение повседневной составляющей бытия человека, ее «процветания» и «прогресса» на пьедестал безусловной ценности, служению которой посвящено бытие цивилизации и «статистического» человека внутри нее, обращается низложением ценности существования как такового, «существующего» в его единичности, безразличием к конечности и временности человека как его трагической судьбе. Потому что парадигма существования как «производства и использования» вещей, благ и комфорта повседневного, «служения всеобщему» и «исполнения социального предназначения», а по сути – безразличного временения человека по пути к смерти, является фактическим низложением ценности человека и его существования, а ведь именно она определяет «типический» способ существования человека в реалиях новейшей цивилизации. Превращение человека в «функцию» в механизме цивилизационной повседневности, социального бытия, в «средство производства» благ и комфорта повседневности, по сути является нигилистическим низложением ценности человека и его бытия. Пронизывая «этос» и «устой» цивилизации, подобная парадигма человека и его бытия неотвратимо приводит к масштабным взрывам нигилизма, фактического низложения и отрицания бытия, превращения существования и судеб миллионов людей в материал исторических и политических авантюры. По сути дела, создавая на образ

Кириллова, Ф. Достоевский пророчески выводил на страницах его романа «Бесы» образ человека, ставшего главным «героем» трагических, ужасающих событий и потрясений в истории грядущего столетия. Перед нами человек, поглощенный отчаянием, ненавистью к жизни, ее отрицанием, ощущением жизни как муки, «зла», проклятия для «живущего», последнее достоинство и свобода которого состоят в его решимости преодолеть страх перед смертью и сбросить с себя ненавистную, мучительную «ношу» бытия. При этом, веря в «дело и идеи» Верховенского, этот Кириллов не хочет умирать «напрасно», он намерен совершить самоубийство тогда, когда это нужно будет «для дела», так, что бы его смерть можно было использовать «для дела». Пронизанная отчаянием и отрицанием, жизнь этого человека предстает перед читателем каждомомментной готовностью умереть, броситься в бездну, ожиданием приказа, целесообразной необходимости умереть. Перед нами тот типический обыватель-нигилист, для которого существование есть бессмыслица, «ничто», «ад», который во власти над ним отрицания стремится и готов принести существование в жертву во имя «великого дела» или «масштабной идеи». По сути дела, Ф. Достоевский сумел глубоко, пророчески проникнуть в ситуацию и экзистенциальное состояние «типического» человека его эпохи, обращающего свои поступки и побуждения к революционным движениям, и при этом – обрисовать главного «фигуранта» событий и потрясений столетия наступающего. Писатель прозрительно и философски раскрывает «механизм» превращения человека, движимого отрицанием и разочарованием в бытии, для которого бытие утратило смысл и ценность, в «материал» исторических и политических авантур, тот путь, на котором тоталитарные, нигилистические идеи, подразумевающие жертвование судьбами и жизнями миллионов, утверждают свою власть над волей, сознанием, судьбой и бытием человека. Перед нами вдохновенный философский прообраз адепта промышленной цивилизации, превращенного этой цивилизацией в ее «буднях» и установках в нигилиста, в орудие отрицания и смерти, преступления против ценности человека и существования. Перед нами предстает «типический» человек эпохи, для которого жизнь есть настолько «ничто», настолько лишена всякого смысла и ценности, что влачить жизнь и «быть» означает для него отрицать себя и свое человеческое достоинство, обрекать себя на бесчеловечное страдание, а последняя свобода означает отрицание жизни, решимость прервать ее. При этом этот человек хочет, что бы его смерть послужила «делу», «идее», «пошла на пользу» – более философский, символический и обобщающий состояние человека эпохи образ, трудно себе представить. Парадокс и трагедия заключены здесь в том, что наличная данность бытия человека, нависший над ним как рок мира способ его бытия настолько извращены и враждебны человеку, настолько отрицают его как личность и ценность, что «быть», повинаясь страху перед смертью влачить существование, означает для него отрицать самого себя. Тут свобода и достоинство становятся апофеозом отрицания, выбором смерти, превращенный наличным способом его бытия и положением в мире в бессмысленную и лишенную ценности «вещь», судьба которой – смерть и забвение, человек отрицает существование, восстает против зла и проклятия «бытия». Нигилизм превращается здесь из «системы взглядов» в экзистенциальное состояние человека, во власть над ним отрицания бытия, он может превратиться в служение человека абстрактным идеям и мифам, подразумевающим «жертвоприношение» в виде миллионов жизней и судеб. Проблема в том, масса обывателей внутри цивилизации превращается вот в таких вот «кирилловых», потерянных перед адом бессмысленного и извращенного существования, над которыми безраздельно властвуют отрицание, отчаяние, ненависть к бытию – эпохальные движения человеческой массы напоминают вот это восстание против «зла» и «проклятия» бытия. Мир предстает настолько бесчеловечным, враждебным человеку и низлагающим его, что в его реалиях человека нужно «беречь» от самого себя, от его человечности, ибо его свобода и личность обращаются для него экзистенциальной катастрофой, трагедией отрицания, восстанием против судьбы в мире и «зла» жизни. Ценность

человека, ценность бытия для самого человека, невозможность для человека примириться со смертью и обреченностью на небытие как неотвратимой судьбой, любовь к человеку и бытию оказываются тем, что наиболее враждебно миру, обрекающему человека на судьбу целесообразной «вещи». Перед нами человек, который не знает, что по мимо «страха и боли», «ожидания смерти», отрицания самого себя и низложения ценности человека, существование может быть еще творчеством, а значит – самоутверждением человека, его противоборством смерти, бессмыслице, забвению, утверждением им себя как ценности. Трагедия этого человека в том, что он существует в мире, в котором человек не является ценностью и целью для самого себя, который по сути являет собой нечто, наиболее враждебное человеку, ценности человека, смыслу его бытия, началу духа, любви и созидания в человеке. Превращенный в безысходной данности его бытия в мире в «ничто», то есть в лишенную всякого смысла и ценности «вещь», человек восстает против своей судьбы, становясь покорным орудием смерти и отрицания, материалом авантюры, подразумевающих жертвоприношение в виде жизней миллионов людей, из «дара» существование превращается для него в «ничто», в «зло» и проклятие, утрачивает для него последнюю ценность. Поразительно и принципиально здесь то, что в безразличное, покорное орудие смерти и отрицания превращаются миллионные массы обычных, «типических», «социально нормативных» людей, в короткий срок, под влиянием внешних обстоятельств меняющих «обывательское» существование на обстоятельства гибели и катастрофы, становящихся искателями и вершителями смерти. Правильно объяснять подобное довлечением над человеком эпохи социальной среды и массы, когда безликость и растворенность в экзальтированной, подчиненной власти аффектов толпе, превращает человека в орудие преступления и позволяет вовлечь его в губительные по смыслу и последствиям авантюры, однако еще более глубокой причиной, «почвой» этого является нигилизм массы, властвующее над ней отрицание существования, обесцененность существования человека в пространстве цивилизации, в «нормативном» для этого пространства способе человеческого бытия. Короче говоря, в ситуации, когда существование обладает для человека хотя бы минимальной ценностью, невозможна и немислима готовность миллионов людей, принадлежащих разным обществам и нациям, но объединенных единой и трагической судьбой внутри цивилизации, умирать во имя абстрактных целей и идеалов, мифов и химер, историческое движение массы напоминает здесь более культ отрицания и смерти, свершение суда над проклятием и «злом» существования. Показательно, что тоталитарные и нигилистические идеологии, «мораль» которых подразумевала принесение жизней миллионов индивидов в жертву «великим» целям, к тридцатым годам прошлого века превращаются в нормативную, устойчивую форму общественного сознания, распространение которой затрагивает самые разные культурные ареалы, их утверждение становится словно бы «оформлением», конституализацией экзистенциального состояния человека внутри цивилизации, пронизывающих его противоречий. Приговоренный к судьбе «функции» в механизме социальной повседневности, превращенный в «вещь», существование которой лишено какой-либо ценности, «типический» человек эпохи становится орудием «ничто» – смерти, отрицания, низложения, он с таким же безразличием отдает, приносит в жертву «химерам» собственную жизнь и судьбу, с каким отнимает жизнь другого человека. Приглядимся – исторические события эпохи и исторические движения масс напоминают апофеоз отрицания, воли к смерти и уничтожению, восстание против жизни, которая в вихрях событий, в их смысле предстает более как «зло», нежели как дар или ценность. Парадигма человека и его ситуация внутри цивилизации определяются безразличием к смерти, апофеозом повседневной функциональности, беззащитностью человека перед осознанием смерти как судьбы в том мире, в котором «бог умер» и религиозный миф потерял всякую действительность и власть над человеком, а значит – неотвратим апофеоз отрицания, ибо мир и существование предстают человеку как торжество бессмыслицы,

пустоты, как «ад». Такова парадигма человека, которая определяет бытие человека внутри цивилизации, она пронизана безразличием к трагедии смерти, к ценности человека и его жизни, она превращает бытие человека в царство времени, смерти, «ничто», в круговорот безликого и социально-продуктивного «функционирования». Как то незаметно из мира и существования человека, сформировавшихся на основе подобной парадигмы человека, ушел сам Человек, являющийся ценностью для самого себя, восстающий против своей конечности и судьбы ожидающей смерти, уничтожения «вещи», в любви к бытию и самому себе устремляющийся к борьбе за вечность. Как может быть человек человек, безразличный к ожидающей его трагедии смерти, ухода в небытие, для которого ни он сам, ни его неповторимое и конечное существование не являются ценностью? Превращенный в «ничто», то есть в лишенную самостоятельной ценности «функцию повседневного», безотносительную к себе и собственной судьбе «вещь», такой человек превращается в покорное, безразличное орудие «ничто» – смерти, отрицания, низложения. При этом стиль и способ существования человека внутри цивилизации пронизан этим «обесценением» и «безразличием», представляет собой нечто, наиболее враждебное духовному, личностному началу в человеке, которое связано с волей к вечности и противостоянию смерти, с любовью к бытию и человеку, с ценностью для него бытия. Поэтому сложно удивляться, что в недрах цивилизации, низлагающей ценность единичного человека и его бытия, превращающей бытие человека в ад бессмыслицы, целесообразной функциональности, временения по пути к смерти и уничтожению, вызывают те взрывы нигилизма, отрицания бытия, которые предстают в облике сотрясающих цивилизацию исторических катастроф. Подлинная любовь к человеку и бытию, ценность бытия для человека побуждают его восставать против смерти, противоборствовать смерти, небытию и забвению созиданием, приобщать мгновения бытия вечности, посвящая их созиданию. Покорность и безразличие в отношении к смерти, к бесследному, безрезультатному протеканию жизни и ее мгновений «по дороге к смерти» – это некая антитеза ценности человека, любви к жизни и ее ценности для человека. Безразличие к трагедии смерти, к обреченности человека на уход в небытие – исток обесценения человека и его существования, превращения человека в «средство», «объект», предназначенную для внешних целей «вещь». Получается очевидное – мир человека, его положение и типический способ существования внутри цивилизации являются отрицанием человека как ценности, низложением ценности его неповторимого существования. Производить и использовать вещи, служить «всеобщему процветанию» и приумножению благ повседневности, позитивно и продуктивно «функционировать», исполнять социальные обязательства, во всем этом попросту ожидать уничтожения и удовлетворяться самим наличным фактом бытия, его поверхностными возможностями – такова парадигма человека и его бытия, определяющая облик цивилизации, и она является по своей сути отрицанием ценности человека и его бытия, их превращением в «ничто». Перед нами – торжество нигилизма, низложения ценности человека и существования, которые застыли в морально-ценностных категориях и парадигмах цивилизации, в типических, «нормативных», устойчивых формах существования человека внутри нее... То есть ценность человека и его бытия низложена в «буднях» и «нормах» цивилизации, в ее «этосе»; в привычных реалиях своего бытия и положения в мире, в определяющих способ его бытия парадигмах, человек превращен в «ничто», в ожидающую уничтожения «вещь», в нечто, предназначенное для реализации внешних целей и «всеобщего» блага и процветания. Как ад бессмыслицы, как отрицание ценности человека и его бытия, предстает «типический», «нормативный» способ существования человека в пространстве цивилизации, сформированный в соответствие с «идеалами» и «моральными установками» цивилизации, лежащей в ее основаниях парадигмой человека, его предназначения. Подобное противоречие не может не обернуться двумя вещами – апофеозом отрицания, восстанием человека против того, что предстает

ему как его бытие и судьба в мире, и тем inferнальным торжеством нигилизма в вихрях исторических потрясений, которое является лишь выражением, символом пронизывающей «будни» и «нормы» цивилизации «обничтоженности» человека, обесцененности человека и его существования. Превращенный в «ничто», в «глину прогресса», в «вещь» в привычных, повседневных реалиях своего бытия, человек становится разменной монетой в масштабных исторических авантюрах, «пушечным мясом» на полях миллионных сражений, превращается в жир для мыла и материал для париков в inferнальной практике лагерей смерти. Подобные ужасы лишь свидетельствуют меру обесцененности, «десакрализованности» человека и его существования в пространстве цивилизации, в ее «этосе», «нормах» и «буднях», являются чудовищным символом нигилистического отношения цивилизации «промышленного прогресса» к человеку и его судьбе, извращенности положения человека в ее пространстве. Торжество нигилистического, функционального и целесообразного отношения к человеку в «типическом» способе его существования, когда ценность человека определяется его социальной полезностью и продуктивностью, достигает inferнального символизма в той ужасающей целесообразности отношения к человеку, когда остатки его тела становятся полезно используемым материалом. Правда, у нас нет выхода – мы должны признать, что эта inferнальная «целесообразность» в отношении к человеку есть лишь апофеоз, квинтэссенция, доведенный до нигилистического безумия символ той целесообразности и функциональности в отношении к человеку, которые пронизывают «будни» цивилизации, привычные реалии бытия человека в ней. Проще говоря, функциональное отношение к человеку, целесообразное использование человека обществом как «вещи», «средства производства» социальных благ, в критических обстоятельствах и событиях приходят к такому inferнально символическому выражению. Когда в «этосе» цивилизации, в «типических» реалиях его бытия человек превращается в нечто, лишенное всякой самодостаточной ценности и сакральности, не стоит удивляться тому, что нигилизм и целесообразное использование, функциональность в отношении к человеку могут приобретать подобные немислимые, чудовищные очертания, тут «латентное» становится актуальным, обнажая свою извращенную сущность и достигая чудовищного символизма. Проще говоря, нигилизм функционально-целесообразного отношения к человеку, пронизывающий «этос» и «будни» цивилизации, обретает облик исторических катастроф, в перипетиях которых человек наиболее масштабно и очевидно превращен в «ничто», прорывается преступлениями против жизни, судеб миллионов людей. Практика лагерей смерти, войн и репрессий, циничного «закабаления» миллионов людей по обвинениям в надуманных преступлениях, умерщвления сотен тысяч людей в реализации «великих проектов», демонстрирует некую последнюю, inferнальную «десакрализованность» и обесцененность человека, которая выступает лишь символом той нигилистической низложенности, обесцененности, десакрализованности человека, которая пронизывает «устои» и «этос» цивилизации. Та чудовищная «обничтоженность» человека, которая предстает нам из практики лагерей смерти, мировых войн, репрессий и т.д., на деле является лишь символом и неотвратимым следствием той сущностной «обничтоженности», обесцененности и низложенности человека, которая пронизывает устои и этос «цивилизации прогресса», обосновывающую ее парадигму человека. Помимо этого, в inferнальной обесцененности и десакрализованности человека в практике лагерей смерти, очевидно проступает забвение идеи личности в человеке, его единичности, трагизма и неповторимости его личностной судьбы, торжество представления о человеке как «социальном индивиде», социо-биологическом материале, представителе «расово-родовой популяции». Нет «неповторимого человека», представляющего собою хоть какую-то ценность – его просто не способны различить в другом человеке, который предстает просто как «социальный индивид», помеченный символикой той или иной социальной группы, как «классовый» или «расово-видовой» враг, подлежащий

безжалостному уничтожению во имя «величия и спасения нации», «социального прогресса» и т. д. Культура и сознание исторической эпохи демонстрируют чудовищную, но показательную отчужденность людей друг от друга, их неспособность различить друг в друге неповторимость и трагизм существования, человеческую ценность и «единичность». По сути дела, человек эпохи, существование и индивидуальность которого утратили последнюю ценность, оказывается нигилистически безразличен к жизни, судьбе и неповторимости другого человека. Перед нами торжество форм ксенофобского, коллективно-родового сознания, уничтожающее прозрения экзистенциального опыта и сознание «единичности» человека, его личности, низлагающее ценность «личного» и «единичного». Промышленное, технологически продуманное и массовое уничтожение людей, становящееся концом целесообразного использования их труда, выступает нигилистическим символом функционального отношения к человеку, его обезличенности и объективированности в привычных реалиях его бытия, того нигилизма, который пронизывает концепцию «социально полезного» и «продуктивного» существования, предназначенности «единичного» для «служения всеобщему». Перед нами предстает уничтожение миллионов судеб, неповторимых человеческих индивидуальностей так, как будто бы они лишены какой-либо «неповторимости» и «индивидуальности», представляют собой лишь массу «статистических», лишенных «лица» и ценности, функционально задействованных «объектов», то есть то, чем привычно и является человек в реалиях цивилизации. Нигилизм в отношении к человеку, низложение ценности человеческого бытия пронизывают не просто «парадигму» человека и некие «общие» установки в отношении к нему, а реалии его бытия, фактический способ его существования, «будни» цивилизации, внутри которых человек, его жизнь и судьба превращены в «ничто», фактически обесценены. По сути дела, мир человека и способ его существования пронизаны фактическим отрицанием ценности человека и его бытия, человек как подлинная ценность и цель самого себя немислим в том мире и «континууме» человеческого бытия, которые создала цивилизация «социального и промышленного прогресса». Проблема в том, что в его мире и способе его существования низложенный как ценность, обреченный на судьбу ожидающей уничтожения «вещи», превращенный в «ничто» и принужденный к обесцененности своего бытия, человек превращается в орудие отрицания, он восстает против своего удела, против «зла» и «проклятия» существования, которое ощущается им как «ад бессмыслицы» – это отрицание существования предстает нам как суть определяющих облик эпохи исторических событий. Цивилизация обесценивает и десакрализует человека в том, что продуцирует как «типический» способ его существования, в тех парадигмах человека и представлениях о цели и предназначении его бытия, которые обосновывают его «типическое» существование – что же удивительно в том, что в исторических потрясениях и катастрофах становятся возможны чудовищные по своим масштабам преступления против ценности существования и человека? Того «человека» и «существования», которые низложены, обесценены, превращены в «ничто» в «нормах» и «буднях» цивилизации, в ее «этосе»? Как же можно побудить блюсти «святость», ценность человека, его жизни и судьбы, если таковые низложены, обесценены, десакрализованы в нормах типического и повседневного существования человека, в определяющих таковое установках, в привычных реалиях мира и бытия человека внутри цивилизации? Как же можно удивляться, что цивилизация, в ее этосе и буднях превращающая человека и его бытие и судьбу в «ничто», в средство приумножения всеобщего процветания и блага, в типическом способе существования отрицающая ценность человека и его бытия, наиболее символично и чудовищно низлагает ценность человека и существования в перипетиях исторических катастроф? Более того, одно не отделимо от другого – цивилизация, в ее нормах и буднях пронизанная нигилизмом в отношении к человеку, низлагающая ценность человека и его бытия, неотвратимо должна прийти к тому апофеозу отрицания и нигилизма, каковым являются ужасы мировых войн, репрессий

и промышленного уничтожения людей. Как можно удивляться, что обреченный в привычных реалиях его бытия на безразличие к смерти и небытию, на судьбу ожидающей уничтожения «вещи», человек сам превращается в безразличное к ценности бытия оружие смерти, отрицания, уничтожения? Как же можно удивляться, что человек, низложенный как ценность внутри цивилизации, в парадигмах, установках и повседневных реалиях этой цивилизации, приговоренный к существованию как «ожиданию смерти» и социально продуктивному функционированию «на всеобщее благо», ощущает существование как ад бессмыслицы, зло и проклятие, отрицает его, восстает против него? Как часто в облике обсуждаемых нами исторических событий человек предстает как «бес», то есть как холодное, безразличное орудие смерти, отрицания, уничтожения, а деяния человека напоминают культ смерти и отрицания, вершение «суда» над злом и проклятием существования... Проблема и подлинная загадка состоят здесь в том, что таким образом предстает человек «статистический» и «социально нормативный», растворенный в институтах цивилизации обыватель, вчерашний рабочий, служащий или хозяин лавки, под довлением обстоятельств безразлично променявший привычный образ жизни на карнавал смерти и уничтожения. Проблема в том, что внутри эпохи «обывательство» и «социальная нормативность» таят в себе глубинный нигилизм, который прорывается исторических потрясениях, позволяет в короткий срок превратить типического и нормативного человека в покорное, безразличное орудие преступлений и смерти. Получается, что «социальная» парадигма человека, взгляд на человека как «социальный индивид», бытие которого предназначено для служения «обществу», «всеобщему прогрессу и процветанию», «производству и приумножению социальных благ» – это квинтэссенция самого радикального нигилизма в отношении к личности человека, низложения ценности единичного человека и его бытия. Пронизывая устои цивилизации, определяя типический способ существования человека внутри нее, эта парадигма служит истоком обесценения человека и его бытия в пространстве цивилизации, которое приводит к наиболее нигилистическому, циничному использованию масс людей как «материала» политических и исторических авантюр, побуждает человеческую массу к отрицанию бытия. Принципиально понимать, что основополагающей проблемой бытия человека является не удовлетворение потребностей и повседневной необходимости, социальное производство и воспроизводство, а трагедия смерти, конечности человека. Превращение смерти в трагедию, по мысли К. Ясперса знаменует собой эпоху духовного пробуждения человека, преображения его истории и культуры, которую он называет «осевое время», переживание смерти как трагедии есть исток становления гуманистического отношения к человеку как самодостаточной ценности и цели самого себя. Проблема эта должна быть тем или иным образом осознана и разрешена в пространстве культуры, в основаниях способа бытия человека: либо сокрыта от него, либо оказываясь перед ней лицом к лицу, человек должен иметь возможность противостояния смерти, самоутверждения и творчества – с этим связаны смысл и ценность для него бытия. Правда в том, что ценность человека для самого себя, его любовь к самому себе и бытию связаны для него с противостоянием смерти, с волей к вечности и попыткой поправить небытие, смерть, забвение, любовь к бытию и воля к самоутверждению разворачиваются в восстание против обреченности на уничтожение как судьбы. Покорность перед смертью как судьбой, безразличие к трагедии смерти, к обреченности на уничтожение и смерть – это исток нигилистического низложения ценности единичного человека и его бытия, безразличия к существованию. Попытка утверждать, что не смерть, забвение и уничтожение являются главной проблемой человека, а исполнение социальных обязательств и карьера, служение всеобщему благу и приумножение повседневного комфорта, социальная полезность и продуктивность его жизни – по сути является истоком нигилистического низложения человека, ценности его существования. Приглядимся – это «утверждение», безразличие к смерти как трагедии бытия и личностной судьбы человека, пронизывает весь строй и способ

существования человека внутри цивилизации, определяющие его установки. Проблема в том, что человек как личность, в его человечности и любви к бытию, как ценность для самого себя не может быть безразличен к смерти, восстает против смерти и борется за сопричастность вечности, безразличие к смерти – это исток нигилистического безразличия к жизни и человеку. Проблема и в том, что невозможность примириться со смертью как неотвратимой судьбой, восстание против этой судьбы обращаются нравственной ответственностью человека за дар бытия, его превращением в поле противостояния смерти и забвению, созидания и самоутверждения, а значит – восстанием человека против существования как апофеоза повседневности, безразличного «временения» по пути к смерти, подобное существование переживается человеком как «бессмыслица» и отрицается им. Поэтому мир и цивилизация, пронизанные безразличием к трагедии смерти и личной судьбы человека, в мгновения «пробуждения» и осознания своей ситуации предстают ему как «ад», царство пустоты, бессмыслицы, смерти, как нечто ему враждебное, любовь к бытию и человеку как к ценности может быть истоком отрицания мира и наличного способа существования человека в нем, конфликта человека и мира. Бытие как ожидание уничтожения, «временение по пути к смерти» лишено для человека всякого смысла и ценности, предстает ему как проклятие, ад бессмыслицы, «зло», как нечто, принципиально враждебное его личности, его ценности, признание ценности человека и его существования обращается конфликтом человека с тем способом существования, который ему навязывает мир. Смысл существования очевидно связан для человека с надеждой на то, над чем не властны смерть, уничтожение, забвение, однако он не находит этого в наличной данности своего бытия, в той судьбе, на которую его обрекают мир, цивилизация, повседневность, мир и бытие предстают человеку царством смерти, времени, бессмыслицы. Получается тот страшный и очевидный факт, что приспособиться к данности его бытия в мире, к «типическому» способу существования, который мир и цивилизация навязывают ему, человек может только через «вымертвление» в нем всякой любви к бытию и самому себе, через торжество в нем нигилистического безразличия к смерти, к самому себе, к ценности его бытия. Парадокс в том, что способ существования человека в реалиях цивилизации оказывается чем то, наиболее «дегуманизированным» и нигилистичным, враждебным человеку и ценности человека, отрицающим его как ценность и цель самого себя. Проблема в том, что низложение человека, принуждение человека относиться к самому себе и своему бытию как к «ничто», как к тому, что лишено ценности, неотвратимо обращается превращением человека в орудие «ничто», в его готовность под давлением обстоятельств безразлично отдавать и отнимать дар существования. При этом культурная, экзистенциальная ситуация человека эпохи такова, что он лишен того последнего убежища, спасения от реальности смерти, пустота и абсурда, которым для человека минувших эпох являлась действительность религиозного мифа. Проблемы две – беззащитность человека перед трагедией смерти и пустоты в мире, в котором «бог умер», его открытость критическим состояниям существования, связанным с опытом «пробуждения», и чудовищная «дегуманизованность» мира и бытия человека, в реалиях которых он превращен в ожидающую смерти «вещь», растворен в механизме цивилизационной повседневности как «функция», как «придаток» созданного ею мира вещей и благ, а значит – отдален от возможности творческого существования, с которой связана для него надежда перед лицом смерти и бессмыслицы. Находясь на грани «забвения и осознания», открытости трагическим реалиям существования как движения к смерти, человек эпохи оказывается беззащитен перед «бессмыслицей» как данностью его бытия и судьбы в мире, перед обрушением в бездну пустоты, отрицания и отчаяния, от которого огражден человек, для которого бытие и его мгновения не являются движением к смерти, уничтожению. Беззащитный перед осознанием смерти как судьбы и существования как неумолимого движения к смерти, человек оказывается лицом к лицу перед чудовищностью его судьбы и положения в мире, перед

данностью его бытия как адом бессмыслицы, отчаяния, стояния «на грани». Приговоренный наличной данностью и способом своего бытия в реалиях цивилизации к судьбе «вещи», к обесцененности его личности и его существования, человек превращается в орудие смерти, отрицания, уничтожения, безразлично отдает и отнимает жизнь, преступает против святости личности и жизни «другого», приносит дар существования в жертву мифам, идеологическим химерам, абстрактным целям и идеям. Причины и корни того, что взрывы нигилизма стали неотъемлемой составляющей истории новейшей цивилизации, нужно искать в противоречиях внутри самой этой цивилизации и определяющей ее парадигмы человека, в положении и способе существования человека внутри нее, в неразрешенности тех основополагающих дилемм, с разрешением которых для человека связаны ценность и смысл его существования.

Проблемой, которую мы будем обсуждать, конечно же является человек... Правда, потенциальность и противоречивость этого существа не могут не поражать, не вызывать вопросов и не представлять как загадка, не пробуждать вдохновение мысли... Поступки человека могут быть экстазом любви, актами совести и служения бытию, они же могут напоминать культ смерти и отрицания, вершение «суда» над злом и проклятием бытия, фактическим отрицанием его последней ценности... человек может быть диссидентом, вопреки беснующейся социальной массе утверждающим позицию совести, разума, любви, он же может быть безразлично-исполнительным «винтиком» в машине уничтожения многих тысяч людей, орудием «ничто»... Мощь восстания человека против смерти и его воли к вечности может обращаться экстазом творчества, жертвы, труда над собой, при этом безразличие к трагизму смерти и ценности жизни может превратить его в холодное, покорное орудие убийства... человек может являть подвиг свободы и в способе его бытия представлять субъектом решения и ответственности за самого себя, он же может быть всецело «ведом» и направляем извне, подвластен довлению и манипуляциям извне... человек может быть и тем, и другим, он может быть субъектом свободы, созидания, нравственной ответственности, он же может быть составляющей аморфной массы, в тотальном подчинении обретающей основы и «прочность» собственного бытия... человек есть выбор себя и бесконечная возможность себя... Так «что» же есть человек, в чем смысл и истоки его человечности, каким образом возможно его превращение в предельно отчужденную от всякого «другого», покорную машину уничтожения?.. Как возможно, что бы его деяниями человек более походил на «беса» не в его экстраординарной извращенности и преступности, а именно в его «серости», ординарности, «социальной нормативности» и похожести на миллионы таких же вокруг него? Как возможно, что бы холодная и немыслимая жесткость, безразличие к последней ценности жизни, мощь отрицания и воли к смерти становились качествами обывателя, социально ординарного и нормативного человека, покорного воле вышестоящих, живущего и поступающего как «все», лояльного законам государства и общепринятым моральным нормам?... Конечно же, человек потенциально и по сути человечен, а не «природен», его человечность – это выбор и созидание им самого себя, его решимость на путь свободы, разума совести и моральной ответственности, который подразумевает риск, противостояние внешней среде... Принципиально понимать, что его человечность связана с его личностным началом и самобытностью, а не с его социальностью, детерминированностью социальной средой, с заложенным в нем потенциалом свободы и нравственно автономного существования, который раскрывает опыт самоопределения, решений и ответственности за самого себя... Представленная в этом снимке ситуация безразличия человека к ценности бытия, к таинству и трагизму смерти, его отчужденности от «другого» как неповторимого и безусловного в своей ценности существования, его участия в механическом, запланированном роке уничтожения, не может не потрясать сознания и не побуждать к вопросам «как это возможно» и «что это говорит о самом человеке»... Как возможно, что бы человек, для которого главным и неотвратимым злом является смерть, а главной ценностью – жизнь, мог превратиться

в безразличное, покорное орудие уничтожения, отрицания и низложения ценности жизни? Как это возможно, что бы не в припадке отчаяния или безумия, а осознанно, рассудительно, человек становился источником того для «другого», что является наиболее страшным злом и испытанием для него самого? Подобная постановка вопроса отнюдь не оригинальна, но не менее актуальна от этого... Человек потенциально человечен... его человечность связана не с его социальным, а с его личностным началом и означает выбор им себя, его решимость, вставши на путь разума, совести, смыслотворчества бытия быть собственно человеком... Существует множество причин, по которым нигилизм, культ смерти и отрицания превращается в экзистенциальное состояние массы... Существуют причины, по которым тоталитарные формы существования, нигилистические по своей сути, превращаются в нормативные, типические формы существования человека... Чем более из пространства культуры исчезает символика экзистенциального опыта и сознание личности в человеке, его индивидуального, духовного начала, чем более торжествуют коллективно-родовые формы сознания и существования, представления о «социальности» человека, тем более утверждает себя тот способ существования, который определяет тотальное довление над человеком социальной среды и тем более человек отдаляется от нравственных истоков его бытия... Примечательно, что все те преступления против человечности в середине XX века, которые так ужасают нас сегодня, совершались в рамках социальной морали и социальной нормы... человек, у которого нет личности, бытие которого не обладает нравственной самобытностью и автономностью, проще говоря – не способный решать и быть ответственным за себя, при всей его «нормативности» и «социальности» наиболее открыт тому, что бы быть превращенным в орудие или пособника преступлений... Более того – отсутствие у человека «я», тотальное довление над ним социальной среды являются тем фактором, который позволяет человеку совершать преступления против экзистенциальных и гуманистических ценностей, оставаясь при этом в рамках социальной нормы, моральности и добропорядочности, лояльности законам государства, не ощущая какой-либо ответственности за них или того в себе, что может воспротивиться необходимости их совершать... По сути дела, в исторических перипетиях XX века «социальность» человека, его «всешность» и «нормативность» предстают как его подверженность манипуляциям и довлению извне, готовность подчиняться преступным приказам и установкам, ввергаться в авантюры, подразумевающие пренебрежение ценностью бытия и человека, короче – как отдаленность человека от нравственных истоков его бытия... Мораль общества и «социальная норма» выступают как пространство, в котором творимые режимами преступления против человечности становятся возможны, находят оправдание и обоснование, в котором вызревают чудовищные всплески нигилизма, определяющие облик исторических событий... Подчиненный довлению социальной среды, власти авторитетов и внешней воле человек готов признать императивность даже тех установок, которые низлагают последнюю ценность его собственного бытия... тут нигилизм, безразличие человека к ценности бытия является почвой его тотальной покорности воле вышестоящих и довлению среды, ценность бытия для человека делает его субъектом решения и ответственности за бытие... это один момент – превращение шабаша обывательства и безликости в «этос» эпохи и цивилизации... ведь «герой» всех исторических катастроф минувшего века, их «материал», свидетель и пособник творимых властью преступлений – это обыватель, увлеченный властью мифов, идей, аффектов, власть которых над ним пропорциональна власти над ним «ничто», его растворенности в массе, довлению над ним среды... Проще говоря, этот «исторический герой» – безразличный к ценности бытия обыватель, движимый властью пустоты и отрицания, подверженный довлению социальной среды и манипуляциям извне, движущийся в русле настроений массы и общепринятых установок, даже если это движение направляет его в бездну уничтожения, преступлений, отрицания... Фактически – это вполне социально «нормативный» человек, совершающий преступления или участвующий в них, и при этом

всего лишь поступающий так, как поступают «все», как «должно» поступать, как от него «требуют» поступать властимущие, мораль общества, ценности и настроения окружающих... Мы должны искать здесь причины в вырождении социального, «типического» существования, когда социо-культурная среда перестает быть носителем и ретранслятором моральных и гуманистических ценностей, а напротив – становится ретранслятором нигилистических идеалов и установок, оппозитивных гуманистическим ценностям... Тут «социальность» и «нормативность» человека, его детерминированность и сформированность социальной средой в соответствие с ее «моралью», установками и ценностями, означает более отдаленность человека от истоков его человечности, условием же таковой становится раскрытость в человеке его свободы и личностного начала, его способности на пусть совести и личной ответственности как путь риска, одиночества, противостояния среде... оборотной стороной обывательства, массовости, безликости является торжество нигилизма и тоталитарных форм социального бытия, в которых бытие массового человека единственно обретает «прочность», «устойчивость». Приглядимся: эпоха, в которую происходили эти и подобные этим события – это эпоха торжества тоталитарных форм существования, превратившихся в историческое «лицо» Европы и во многом мира вообще; эпоха, в которую философы впервые заговорили о феномене массового, «одномерного» человека, словно бы лишено всякого самобытия (Ясперс, Маркузе, Ортега-и-Гассет), о «смерти» человека и его человечности (Швейцер); эпоха, в которую торжествовало отношение к человеку как «кирпичу» в фундаменте великой цели и идеи, доминировали те или иные формы коллективно-родового, «расового» сознания и в целом – «объективистское», социологическое представление о человеке как существе, смысл и способ бытия которого социальны. Перед нами эпоха, в сознании и картине мира которой меркнет тысячелетиями укоренявшаяся символика экзистенциального опыта, утрачивают ясность и действительность прозрения о духовной природе человека, о его личности и индивидуальном начале, единичный человек перестает быть безусловной ценностью и мыслится как «составляющая» в механизме социального, всеобщего бытия, «единичное» уходит из сознания эпохи, из образно-символического поля культуры... По сути дела, «дегуманизация» выступает тем понятием, которое охватывает в себе суть пронизывающих эпоху и определяющих ее «лицо» процессов, включая шабаш массовости и обезличенности, превращение нигилизма в экзистенциальное состояние массы, становление и утверждение тоталитарных обществ и мировоззрений, тотальный акцент на социальной составляющей существа человека и его бытия. Как выясняется – там, где общество и его институты превращаются в безусловную ценность, в критерий «моральной нормы» и ценностей бытия, позиционируются как «матрица» бытия человека, единичный человек и его бытие перестают быть ценностью, апофеоз массовости и безликости становится «лицом» эпохи, неотвратимо становление тоталитарных форм существования, в конечном итоге – происходит отдаление человека от истоков его человечности и нравственных истоков его бытия. Подчинение ценности «единичного» абстрактным ценностям «всеобщего» обращается тем торжеством нигилизма, низложения ценности жизни и человека, которое пронизывает «этос» цивилизации и социального бытия, его «мораль» и «норму». Подчинение человека довлению среды, обезличивание и безиндивидуализация человека, неотвратимо обращаются тотальной зависимостью бытия человека, его поступков и отношения к вещам от внешних факторов, его неспособностью действовать из полноты нравственной ответственности и внутренних оснований, в конечном итоге – беззащитность перед довлением среды становится почвой превращения человека в орудие преступной воли. Как известно, человек раскрывает его личность и свободу через опыт моральной ответственности, в нравственной автономности его поступков, решений и образа жизни, через его способность действовать, исходя из предельных внутренних оснований, из императивов совести. Тотальное довление над человеком социальной среды, его неспособность противопоставить ей позицию совести и опыт

личностных решений, критически отнестись к насаждаемым средой ценностям, установкам, идеалам, выступают как почва превращения человека в орудие или свидетеля творимых обществом и властью преступлений. Торжество социологического, «объективистского» взгляда на человека в сознании эпохи обращается эпохальным же «забвением» человеком самого себя и своих истоков, памяти о себе как «личности», субъекте свободы и моральной ответственности, о том в себе, что способно противопоставить его довлению среды и манипуляциям преступной воли. Позабывший о «над-социальном» и подлинном начале в себе – духовном и личностном – типический человек эпохи превращается в статистическую «составляющую» социального бытия, беззащитную перед довлением социальной среды и манипуляциями внешней воли. Подвижки в культуре, способе существования человека, в сознании и самосознании эпохи начинаются с абсолютизации «социологического», «объективистского» взгляда на человека, социального понимания человека и его бытия, в котором сущность человека отождествляется с его «социальностью», полноценность его развития – с социальной продуктивностью и «полезностью» его бытия, сам человек мыслится предназначенным для «служения обществу», целям и задачам всеобщего бытия. Процветание общества и служение обществу мыслятся в качестве предназначения бытия человека, доминанта интересов общества – в качестве критерия ценностей, моральных норм и долженствований. Происходит формирование и утверждение нигилистического отношения к человеку как «средству», предназначенному для целей и прогресса всеобщего, социального бытия, для всеобщего процветания и благополучия, такое отношение укореняется в основаниях морали цивилизации, ее «этосе» и ценностных установках, в продуцируемом и навязываемом ею способе существования человека. Подобное отношение к человеку проступает прежде всего из фашистских и вообще тоталитарных мировоззрений, идеологий, но по сути – оно пронизывает мораль цивилизации как таковой, определяет облик ее повседневности, типический способ существования человека внутри нее, формирование и утверждение такого нигилистического отношения к человеку происходит в рамках абсолютизации «социологического», «объективистского» взгляда на человека. Нигилизм, низложение ценности единичного, экзистенциального, оформляется в морально-ценностные категории, застывает в моральной парадигме, определяющей бытие и повседневность цивилизации – парадигме социального, всеобщего прогресса, в участии человека, отведенной ему внутри этой «парадигмы»: человек превращен в некий придаток созданного цивилизацией мира вещей, технологий, повседневного комфорта, в средство производства и приумножения благ повседневности. Подчинение ценности «единичного», «экзистенциального» ценностям социальным, всеобщим, коллективным, определяющее облик и мораль цивилизации, бытие человека внутри нее, фактически означает низложение, отрицание ценности «единичного», торжество нигилистического отрицания ценности единичного человека и его бытия. Подобная парадигма человека в конечном итоге обратилась историческим торжеством нигилизма, его историческим апофеозом – практикой преступлений обществ и политических режимов против жизней, судеб и свободы миллионов людей. Получается, что внутри подобной парадигмы человека происходит утверждение нигилистического отношения к человеку, создается предпосылка для апофеоза массовости и безличности, тотального довлениа социальной среды над человеком. По определению – то, что мы видим на этом снимке, бесчисленное количество подобных и не заснятых преступлений, наполнявших то страшное время, ни в коем случае не возможны, если в стоящем перед необходимостью совершить их человеке пробуждена его человеческая личность, в которой восстают совесть, любовь к бытию, неприятие смерти. Подобные преступления возможны, если существование и смерть безразличны человеку и есть для него «ничто», если человек выступает не как субъект решения и моральной ответственности, не как личность, с позиций разума, совести и любви к бытию способная критически посмотреть на происходящее, критически отнестись к установкам среды,

к идеалам и представлениям «о долге», а всего лишь как покорное, безразличное орудие внешней воли. По сути дела, нравственная личность в человеке, его способность на позицию совести, нравственной ответственности за бытие и самого себя, любовь к бытию и его ценность для человека – это то единственное, что может противопоставить его довлению социальной среды и воли вышестоящих, превращающему его в орудие преступлений. Проще говоря, совесть и ответственность перед совестью есть основание свободы человека и той его непокорности, которая делает невозможным подчинение человека «извне», довление над человеком социальной среды, превращение человека в орудие совершаемых властью и обществом преступлений, свобода и нравственная личность в человеке, начало совести в нем – это его непокорность, неподвластность миру, власти, социальной среде, это залог его человечности при любых условиях и обстоятельствах. Пишет Е. Евтушенко – палачи понимали прекрасно: тот, кто мучится – тот баламут... муки совести – это опасно, выьем совесть, чтоб не было мук!... Проблема в том, что свобода, познание самого себя и собственная личность приходят к человеку как бремя и мука нравственной ответственности, преступить против которой означает предать, подвергнуть разрушению самого себя, обесмыслить собственное существование. Там, где нет «совести», то есть личности и свободы, способности человека к нравственной ответственности за себя, где отрицается нравственная автономность и самобытность человека, а «совесть» означает лишь меру его лояльности по отношению к социально принятым нормам и установкам, там возможно превращение человека в орудие каких угодно преступлений. Тотальное довление над человеком и его бытием социальной среды означает его «безликость» и возможность превращения человека в орудие преступлений в рамках его социальной «нормативности» и «моральности». Примечательно, что любые тоталитарные идеологии – от фашизма до коммунизма – являлись абсолютизацией «социального» взгляда на человека, тем или иным образом нивелирующего, отрицающего его личностное начало и самобытность. По другому – пробужденность личности в человеке, его свобода и неотделимая от нее нравственная автономность решений, поступков и образа жизни человека – это то единственное, что может позволить ему остаться человеческим перед лицом извращенно мира и его «морали», в те трагические эпохи, когда нигилистическое безумие становится социальной нормой и «этосом» общественного бытия. Потому то эпоха тоталитарных обществ, преступных политических режимов, масштабных исторических взрывов нигилизма и преступлений против человечности, против экзистенциальных и гуманистических ценностей – это эпоха, продуцирующая и формирующая «безликость», «социальную стандартность» и «всешность» человека, подчиненность поступков, сознания и бытия индивида единообразным и безраздельно довлеющим «над всеми» установкам, идеалам, моральным нормам и т. д. Внутри шабаша «безликости» и «массовости», в который превращается социальное бытие, внутри социальной иерархии подчинения и безответственности, являющейся оборотной стороной «массовости», «всешности», «социальной нормативности», становятся возможны любые преступления. Потому что сознание их подлинного смысла, как и ответственности за них, становится сокрытым в торжестве ханжества, лицемерия и «всешности», подменяющих собою «мораль» общества, ибо совесть личности и опыт нравственной свободы, подразумевающий опирание на императивы совести, исчезают из сознания и «морали» социальной среды как тот безусловный критерий, с помощью которого проясняется моральность или безнравственность, извращенность того, что происходит вокруг человека. Потому что совесть личности исчезает как тот безусловный источник и критерий нравственных ценностей и императивов, способный вскрыть, обнажить, прояснить извращенность ценностей и установок социальной среды, преступность происходящего внутри нее. Подобное всегда обнажается, проясняется через позицию личной совести, через решимость человека на личную ответственность в критическом осознании происходящего вокруг и отношении к нему. Потому что через

личную совесть и опыт познания и строительства себя как нравственной личности, через опыт свободы, самоопределения и ответственности за себя, человек приближается к безусловным нравственным императивам и ценностям – экзистенциальным, гуманистическим. Когда нигилистическое безумие, низложение экзистенциальных и гуманистических ценностей превращаются в социальную норму, мораль общества, состояние массы, только с позиции совести и личной ответственности возможно сохранение близости человека безусловным нравственным ценностям и императивам. Только пробужденность личности в человеке и его способность на позицию совести, его решимость действовать «на свой страх и риск», из предельных внутренних оснований, остаются залогом человечности человека, его неподвластности тому довлению социальной среды, которое способно превратить его в соучастника преступлений и отдалить его от нравственных истоков бытия. Потому то в реалиях, в сознании и идеологии тоталитарных обществ, цементирующих эти общества преступных режимов, позиция личной совести, скепсиса разума и совести в отношении к «нормативным» социальным ценностям и установкам, опыт нравственной свободы личности всегда клеймятся и вытесняются на периферию посредством наиболее негативных «моральных» категорий – «отщепенцы», «подонки», «предатели», «сумасшедшие» и т. д. Позиция совести и личной ответственности противопоставляется «всешности» и тотальной власти социальных норм и установок в свете наиболее негативных категорий «морального» сознания социальной среды, «социальность» человека, его растворенность в «социальной норме» становятся синонимом его соучастия в преступлениях власти и общества. Парадокс в том, что извращенность «социальной нормы», подмена морали общества «массовостью» и «всешностью», превращают позицию совести в «аморальность», «отщепенничество», в подлинное «преступление», ибо с позицией совести связан низлагающий и обличающий скепсис в отношении к «общепринятым» установкам и ценностям, принципам восприятия и осознания происходящего. Тотальность довлени «единообразных» ценностей, представлений и установок над социальной средой и индивидом внутри нее, «массовость» и «всешность» являются той ширмой, стеной, которая надежно ограждает общество и его типического представителя от осознания подлинных и чудовищных смыслов совершаемого обществом и властью, от ответственности за происходящее. Массовость и всешность становятся здесь неким подобием «индугенции», то есть той социальной «атмосферой», «средой», внутри которой растворяется ответственность за какие угодно преступления, исчезает само сознание таковых. Преступление предстает здесь как «моральный», обоснованный идеалами и законопослушный поступок, позиция совести и критического сознания происходящего – как «анормальность» и «аморальность», «отщепенничество». Массовость, тотальность довлени социальной среды над индивидом, становятся тот «почвой», на которой происходит превращение «социально нормативного» и «статистического» человека в орудие и пособника преступлений, совершаемых обществом и властью, от «имени» покорности, одобрения и верности безликой толпы. Массовость, социальная безликость и единообразность становятся той бездной, в которой исчезает ответственность за самые немыслимые злодеяния, в которой сами эти злодеяния приобретают смысл актов, «нормативных» с точки зрения морали общества, законов государства и общепринятых ценностей. Тут становится возможна ситуация, когда промышленное уничтожение миллионов людей, которому никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть найдено «оправдания», представляющее собой некую «абсолютность» зла, преступления против гуманистических и экзистенциальных ценностей, вместе с тем пытается быть оправданным соображениями «патриотизма», «моральным долгом перед родиной», «исполнением приказов», установками партии и идеологии, в отношении к которым существовал «тотальный» кредит общественного доверия. По сути дела, «система оправданий» нацистов на Нюрнбергском процессе приоткрывала цивилизации

и обществу страшную истину – немыслимые, чудовищные преступления совершались под «сенью» вполне привычных, нормативных для морали цивилизации категорий и установок, являлись неотвратимым следствием процессов, определяющих бытие человека в пространстве цивилизации. Когда «массовость» и «всещность», подчиненность человека довлению социальной среды.. ее норм, ценностей и установок, отождествляется с «моральностью» человека и «полноценностью его развития». Потому что человек – это «социальное животное», и его «социальность», социальная «продуктивность» и «нормативность» есть критерий его полноценности. Когда человек мыслится как «продукт и порождение» социальной среды, а само общество, его институты, политическая власть и законы государства – как источник, носитель и критерий безусловных ценностей и моральных норм, подчинение которым является долгом всякого человека. Поразительно то, что в истории XX века немыслимые преступления совершаются от имени и в рамках «социальной нормы», от имени покорной, одобряющей и лояльной происходящему социальной массы. Покорность индивида довлению социальной среды и преступной политической воли напрямую связана с «прочностью», тотальным господством и «несомненностью» тех идеалов, ценностей, установок, которые подчиняют и направляют бытие социальной среды и индивида внутри нее, а значит – позиция совести и личной ответственности, нравственная свобода личности с присущей ей автономностью решений и поступков человека, представляют собой смертельную опасность. Потому то личность и нравственная свобода личности, свобода совести и мышления наиболее враждебны, опасны для тоталитарных социальных систем, утверждение, упрочение которых всегда подразумевает продуцирование «массовости» и «всественности,» всеобъемлющего довлениа среды и ее установок над индивидом. Потому что «массовость» и «всещность» есть «почва», условие незыблемости и тотального господства тех установок, идеалов и «моральных парадигм», которые цементируют и обосновывают собой бытие подобной социально-политической системы. Пособничество и свидетельство преступлениям, творимым обществом и властью, требует абсолютного, тотального довлениа «над всяким и каждым» единообразных и императивных «для всех» и общества в целом «моральных норм», «идеалов» «ценностей», парадигм в понимании и оценке событий и т. д. Таковые должны быть защищены от «разлагающего влияния» скепсиса, позиции совести, нравственной свободы личности, ибо тогда они утрачивают безраздельную власть над социальной средой и индивидом внутри нее, а значит – перестают «упрочать» и «обосновывать» бытие и сознание социальной массы. Безраздельность, несомненность и тотальная власть таковых становятся «почвой», «атмосферой», той «средой» нигилизма и безнравственности, в которой скрывается, размывается сознание преступного, чудовищного смысла событий, происходящих внутри общества, а вместе с этим – сознание безусловных нравственных ценностей бытия. Проблема в том, человеческая личность – это субъект моральной ответственности, составляющей сущность свободы человека, не мораль общества, а личность является «носителем» безусловных нравственных ценностей и императивов бытия, императивность и безусловность экзистенциальных ценностей проступает в опыте личностного существования, познания и строительства человеком себя как нравственной личности, через опыт свободы, самоопределения и ответственности за себя, через путь совести. Поэтому тотальность довлениа над человеком социальной среды, его безликость и «всещность», растворенность в усредненной социальной массе, отождествленные с его «социальностью» и «моральностью», становятся почвой превращения человека в пособника и орудие творимых обществом и властью преступлений, фактором его отдаления от истоков его человечности, от нравственных истоков его бытия. Подчинение и «ведомость», «положение на авторитеты» и довлениа над человеком социальной среды, превращенные в способ существования человека внутри социума, наиболее оппозитивны человеку как личности, субъекту решений и моральной

ответственности, смыслу свободы как нравственной автономности человеческого бытия, того опыта самоопределения, решений и нравственной ответственности человека за себя, который делает его человеческим. Потому то тотальность подчинения и довлениа над человеком социальной среды и ее установок, становятся фактором, инструментом «вымирания» личности и личностного опыта свободы и моральной ответственности из пространства социального бытия, цементирования такового «всешностью», «массовостью», почвой превращения «типического», «социально нормативного» человека в орудие преступлений. Когда участвуя в преступлениях или пособничая им одобрением, человек остается в рамках «законопослушности», «социальной моральности» и «добропорядочности» – он всего лишь поступает так, как требуют от него мораль общества и вышестоящие, как в тот момент времени считается «моральным» и «должным» поступать с точки зрения общественной нормы, идеологии, господствующих ценностей и т. д. Когда мы сталкиваемся с преступлениями против ценности человека и существования, участие в которых так или иначе принимали миллионные массы людей, мы можем попытаться объяснить это двумя факторами – тоталитарностью социального бытия, шабашем массовости и безличности, превращающих «социально нормативного» человека в орудие преступной воли, и нигилизмом, отрицанием существования как состоянием человеческой массы внутри цивилизации. То есть, глубинными подвижками и противоречиями в культуре, сознании и способе существования человека, в отношении к «другому» – массовостью существования и его обоснованностью тотальным довлением среды над индивидом, обесцененностью существования человека в пространстве цивилизации, вовлеченностью масс в круговорот функционально-целесообразного существования и «целесообразной», «полезной» смерти, в котором человек – будь он жертва или мучитель – это всего лишь функционально задействованный «объект». Под обликом исторических событий, в которых палачи назавтра разделяют судьбу их жертв и наряду с ними участвуют в круговороте функционально-целесообразной жизни и смерти, на самом деле проступает лишь безмерность обесцененности человека и его бытия в пространстве цивилизации, довлеющая в нем над человеком судьба «вещи», предназначенной для целесообразного функционирования и служения «всеобщим» ценностям, целям, благам. Когда в обосновывающей бытие цивилизации парадигме человека он отрицается как самодостаточная ценность и цель самого себя, мыслится как «объект» и «средство», ценность которого обусловлена его социальной полезностью, продуктивностью и целесообразностью – логично ожидать, что подобный нигилизм в отношении к человеку достигнет чудовищного масштаба и символизма, превратится в апофеоз исторических преступлений. Приговоренный в реалиях его бытия в пространстве цивилизации к судьбе «вещи», бытие которой лишено какой-либо ценности, человек превращается в орудие «ничто» – отрицания, смерти, низложения, от приносит собственную жизнь в жертву мифам и абстрактным идеалам с таким же безразличием, с каким отнимает жизнь у другого человека. Причиной и истоком превращения «статистического» человека внутри цивилизации в орудие преступлений и нигилистических деяний становится его «ментальное» и экзистенциальное состояние, когда обесценение его судьбы, бытия и индивидуальности обращается его нигилизмом в отношении к бытию и индивидуальности «другого», а обреченность на судьбу целесообразно задействованного «объекта» – отношением к другому как «объекту», жизнь и смерть которого «функциональны», «целесообразны». Нигилизм в отношении к человеку, пронизывающий «этос», «будни» и «нормы» цивилизации, «типический» способ существования человека внутри нее, превращается в апофеоз низложения ценности человека и его бытия в вихрях исторических катастроф и потрясений. Позволю себе сказать быть может «крамольное»: тут судьба жертв по смыслу родственна судьбе убийц и мучителей; тут убивая и совершая насилие, человек демонстрирует готовность назавтра разделить судьбу его жертв, умереть во имя тех же «идеалов», во имя

которых он сегодня отнимает жизнь. Тут обесцененность собственной жизни, судьбы и индивидуальности превращается в нигилистическое безразличие к жизни и судьбе всякого «другого», а безразличие к судьбе «вещи», которой в соответствие с собственными целями манипулирует мир – в отношении к «другому» как лишённой ценности «вещи», смерть и существование которой «целесообразны», «функциональны», «полезны». Проще говоря, превращение человека в реалиях цивилизации в «ничто», в «вещь», существование которой лишено смысла и ценности, становится почвой превращения самого человека в орудие «ничто» – отрицания, смерти, низложения ценности человека и его бытия. Почвой подобных событий и преступлений, условием самой их возможности всегда становится безликость и нигилистичность человека, обесцененность для него существования, тотальность довлени над ним социальной среды, внешней воли. По сути дела, только глубинная обесцененность человека и его бытия в реалиях цивилизации, торжество функционального, нигилистического отношения к человеку, превратившееся в экзистенциальное состояние человека отрицание существования как ада бессмыслицы, зла и страдания, могут быть причиной готовности миллионов человеческих масс умирать и убивать во имя абстрактных идеалов и целей. Когда Ф. Достоевский рефлексировал над нигилизмом и выводил образ своего Кириллова, для которого жизнь есть «страх, боль, зло», и «всякий человек предпочел бы не жить, если бы не страх перед смертью», он и не подозревал наверное, что запечатлевает на страницах романа «Бесы» главное действующее «лицо» всех исторических и социальных катастроф будущего столетия. Тот тип человека, у которого нет «лица», власть над которым среды, аффектов, тоталитарных мифов и идей пропорциональна власти над ним отрицания, отчаяния, пустоты. Глубинный нигилизм массы, власть над ней пустоты и отрицания становятся почвой превращения массы в «материал» исторических авантур, условием легкости, глубинного безразличия, с которыми человек отнимает и отдает жизнь. Там, где человек раскрывает себя как личность и свою свободу через опыт решений и моральной ответственности, подобное низложение ценности бытия и человека невыносимо. Там, где торжествует массовость и человек подчинен тотальному довлению социальной среды, ее установок и признанных в ней авторитетов, воли вышестоящих, возможно превращение человека в пособника и свидетеля творимых обществом и властью преступлений против человечности. Проблема в том, что эти преступления совершаются обществом, при его участии и пособничестве, внутри «социальной нормы» и укоренившегося в этосе общества и цивилизации нигилистического отношения к человеку и его жизни, а значит – «социальность» человека, его подчиненность довлению среды, превращается здесь в отдаленность человека от нравственных истоков его бытия, от истоков его человечности. Как известно, то в человеке, что делает его непокорным, способным противостоять довлению извне, будь то воля вышестоящих или социальная среда с ее установками, ее представлениями о «морали» и «долге» – это его совесть, его свобода и личность, его способность к нравственно автономным решениям и поступкам. Несомненно, что его личность и свободу человек раскрывает через опыт моральной ответственности, утверждая позицию собственной совести и обосновывая в ней поступки и решения, противопоставляя позицию совести преступным приказам, авторитету вождей, морали и установкам социальной среды. При этом прежде всего этим «основанием» непокорности и способности противостоять является ценность бытия для человека, ибо именно ценность бытия делает человека ответственным и обязывает решать. Безликость и нигилистическое безразличие к существованию, его обесцененность для человека, безразличие к трагедии смерти – это та почва, на которой произрастает покорность человека, тотальность довлени над ним социальной среды и внешней воли, именно это делает возможным превращение человека в орудие преступлений. Безразличие к ценности существования в конечном итоге обуславливает покорность человека преступным приказам, его готовность раствориться в бытии и настроениях массы, властвующих над ней аффектах,

ввергаться в исторические авантюры, предполагающие торжество смерти и отрицания. Преступления «против человечности» – принципиальное определение... ведь совершавшие их люди оправдывали себя условиями подчинения и необходимостью исполнять приказ, законами государства, предписывавшими их совершать, «моральным долгом перед родиной и партией», соображениями «патриотизма», «долгом солдата и офицера», исполнением должностных обязанностей, продиктованных социальным и политическим статусом, то есть приводя в качестве аргумента все те обстоятельства, которые в реалиях тоталитарных обществ снимают с человека какую-либо личную ответственность за преступления, пособником или орудием которых он является. В самом деле – законы государства предписывали совершать это и их ослушание грозило наказанием, мораль общества оправдывала эти деяния, человек совершал это, подчиняясь приказу и делая то, что «должен» делать, какова же его вина? Поэтому проясняются те безусловные ценности, экзистенциальные и гуманистические ценности, которые являются таковыми «априори», вне зависимости от социального опыта или законов государства, верность которым является моральным долгом всякого человека. Поэтому же преступления против этих общечеловеческих ценностей совести не могут быть оправданы ни лояльностью законам государства, ни извращенной общественной моралью, ни необходимостью подчиняться, ни авторитетом благословляющих на их совершение вождей и т.д., ответственность за совершение таких преступлений целиком и полностью возлагается на самого человека. Посреди шабаша массовости и социальной нормативности, внутри которого стали возможны преступления против экзистенциальных и гуманистических ценностей, вопреки иерархии подчинения и социальной безответственности, когда «все» подчинялись и одобряли и ни на кого не может быть возложена вина и ответственность, делается попытка через прояснение безусловных моральных императивов прийти к личности в человеке, преданной забвению в реалиях цивилизации. Прийти к «личности» означает здесь прояснить и осознать человека как субъект свободы, решений и моральной ответственности, той предельной ответственности за совершаемое им, которую не может сложить с человека никакая социальная детерминированность и обусловленность его поступков. Казалось бы, логика событий безошибочна – человек социален и формируется обществом, именно оно определяет поступки, ценности и образ жизни человека, мораль общества не препятствовала совершению этих деяний, законы государства, социальный статус и приказы вышестоящих обязывали их совершать...Какая же вина и ответственность может быть возложена на отдельного человека, который в совершаемом им являлся лишь лояльным гражданином, исполнительным и верным долгу солдатом и вообще – только частью общества, разделяющей его ценности и моральные установки? Перед нами столь свойственный для тоталитарных обществ апофеоз безликости, довлениа над человеком социальной среды, растворенности человека в бытии и настроениях массы, который выступает почвой превращения статистического и социально нормативного человека в орудие преступлений против человечности или пособника, свидетеля таковых. Просто потому, что ответственность за эти преступления растворена в абстрактности категории «все», в иерархии социального подчинения, а совершение таковых укоренено в «социальной норме», в том, что в данный отрезок исторического времени общество утверждало в качестве действительных для «всех» ценностей и моральных долженствований. Первая проблема состоит здесь в том, что извращенность общественной морали и социальной нормы превращает «социального» и всецело сформированного средой человека в орудие преступлений и нигилистических деяний, а вторая – в том, что социальная среда утверждает тотальность довлениа над человеком и его бытием, продуцирует безликость человека, его готовность подчиняться и следовать общепринятым установкам, переносит критерии морального и должного из совести человека в собственные институты и установки. Таким образом, социальность человека, его детерминированность

средой становится не условием его приобщения нравственным нормам и ценностям, а синонимом его отдаленности от нравственных истоков человеческого бытия. Парадокс и загадка состоят здесь в том, что человек в его социальности и нормативности, лояльности законам государства, общепринятым ценностям и нормам общественной морали, может быть преступен и бесчеловечен, что конечно же связывает нравственное начало в человеке с его личностным началом, а не с его социальностью, близость нравственным истокам бытия – с раскрытостью такового в человеке. Преступность и извращенность социальной нормы, низложенность внутри общественной морали экзистенциальных и гуманистических ценностей, побуждает здесь обнаружить безусловные основания моральных долженствований и экзистенциальные, личностные истоки нравственного начала в человеке. Процветание и величие нации, благо общества и прогресс цивилизации мыслятся как безусловная ценность, единичный человек, его бытие и судьба перестают быть подлинной ценностью, их ценность мыслится «соподчинено», в контексте ценностей социальных, всеобщих, измеряется социальной «полезностью», «целесообразностью», «продуктивностью» человека и его бытия. Подчеркну, что абсолютизация ценности общества и его институтов, всеобще-коллективных ценностей по сути представляет собой торжество и укоренение нигилизма, низложение, отрицание ценности единичного, экзистенциальных и гуманистических ценностей. По сути дела, мир и бытие человека в нутрии цивилизации XX века пронизаны тенденциями дегуманизации, человек низложен как самоцель и самодостаточная ценность. Подчеркну, что подобные тенденции пронизывают тоталитарные идеологии и мировоззрения лишь вторично, прежде всего – они заложены в самих основаниях цивилизации, превращающей человека в придаток созданного ею мира повседневного комфорта и благополучия, обрекающей его на удел безликой функции повседневности, ожидающей уничтожения «вещи». Поэтому тот нигилизм функционального отношения к человеку как «средству», «объекту», ужасающий нас в облике и практике исторических катастроф, является лишь символом, выражением и продолжением низложения ценности единичного человека и его бытия, пронизывающего этос цивилизации, ее «нормы» и «будни», типический и устойчивые формы существования человека внутри нее. Просто определяющие облик цивилизации десакрализация, человека и его бытия, их обесценение, с чудовищным символизмом проступают в облике социальных, политических, исторических катастроф и преступлений, в практике репрессий, лишения свободы миллионов людей, принесении в жертву миллионов жизней и судеб во имя абстрактных идеалов и целей. Превращенный в ничто, обесцененный в реалиях своего бытия и положения в мире человек, обреченный на безразличие к самому себе и собственному бытию, становится орудием уничтожения и отрицания, судьба убийц и мучителей немногим отличается от судьбы их жертв, те и другие лишь участвуют в круговороте бессмысленной смерти и бессмысленной, низведенной до механического функционирования жизни. Там, где в «буднях» цивилизации, в ее морально-ценностных установках человек и его бытие десакрализованы, обесценены, не стоит удивляться, что в вихрях потрясающих цивилизацию катастроф «обничтоженность» человека проступает наиболее чудовищно, масштабно, символично. Проблема в том, что торжество «объективистского», взгляда на человека и форм коллективно-родового сознания, обращается утверждением того нигилистического отношения к единичному человеку, в котором он предстает как условие утверждения и процветания всеобщего бытия, реализации стоящих перед ним целей и задач, как нечто, лишенное самодостаточной ценности. Причем апофеоз социально-биологического взгляда на человека и нигилистического отношения к нему как «средству», подчиненному ценностям и целям всеобщего бытия, пронизывает в равной степени и коммунизм, и фашизм – эти две наиболее типических формы тоталитарного сознания эпохи. Приемлемым становится утверждать, что истинно великие цели, стоящие перед «обществом», «нацией» или «человечеством в целом», не только оправдывают, но и в принципе подразумевают

миллионные жертвы. Приемлемым становится во имя утверждения национального бытия и величия государства, продвижения мессианской социальной идеи планировать масштабную войну с миллионными жертвами. Полноценность и «моральность» человека измеряются его готовностью не раздумывая отдавать и отнимать жизнь во имя «отечества», «идеи», «величия державы», «вождя нации» и т.д., идеологи итальянского фашизма определяют фашизм как всеподчиняющую преданность человека идеалам национального бытия, готовность пожертвовать во их имя ценностью жизни, коммунизм требует от человека готовности жертвовать жизнью во имя «строительства совершенного общества» и «блага грядущих поколений». Приемлемым становится лишать свободы миллионы людей, что бы обрести столь необходимую для реализации планов прогресса и социального преобразования рабочую силу, уничтожать сотни тысяч и миллионы людей в реализации этих планов. Мораль цивилизации, составляющих ее и наиболее типических обществ включает этот подход в самые свои основания. Как ни в какую иную эпоху единичный человек мыслится как «средство», «материал», «глина» исторического прогресса, как нечто, в его бытии и ценности всецело подчиненное всеобщему благу и ценностям всеобщего бытия. То есть определяющая облик цивилизации парадигма человека и вырастающая на ее основе «мораль», в принципе пронизаны нигилистическим низложением ценности единичного человека и его бытия. Парадокс состоит здесь в том, что нигилизм пронизывает «мораль», «ценностные нормы», этико-аксиологические и целевые установки цивилизации, «этос» социального бытия и социальную норму. Провозглашенный и определяющий облик морали и идеологии эпохи принцип «служения единичного общему», «предназначенности единичного человека и его судьбы для целей и ценностей всеобщего бытия», на деле обращается легитимизацией нигилизма, его обрамлением в морально-ценностные категории и установки, торжеством практического нигилизма в вихре исторических и социальных катастроф. Тотальное довление на человеком социальной среды, определяющее способ его бытия и конституализирующее его «безликость», становится тем фактором, который делает возможным превращение «обычного», социально «нормативного» и «позитивного» человека в орудие преступлений и нигилистических деяний, извращенный смысл которых сокрыт в довлении над человеком установок и идеалов «среды», ответственность за которые растворена в движениях массы и абстрактности категории «все». Преступления первой половины XX века совершаются от имени «морали» и «системы высоких идеалов», внутри и от имени «социальной нормы», их орудием и главным действующим лицом выступает обыватель, всецело подчиненный довлению среды и ее установок, не способный критически отнестись к установкам среды и воле вышестоящих с каких-либо нравственно независимых позиций или с точки зрения собственного экзистенциального опыта. По сути дела, социальная среда, которая мыслится «лоном формирования полноценного человека», на деле оказывается фактором, продуцирующим тип человека, наиболее отдаленного от нравственных истоков его бытия, от истоков его человечности, которые связаны с его личностным началом и реализованностью, раскрытостью такового. Проще говоря, извращенность «социальной нормы», пронизанность нормативного социального бытия и его этоса нигилистическими тенденциями, превращают «социальность», «всещность» и «нормативность» человека в некую антитезу его человечности, истоки которой как никогда становятся связаны с реализованностью его личностного начала. Безликость и массовость человека, торжество тоталитарных форм социального бытия, превращаясь в «этос» и «лицо» эпохи, становятся тем фактором, который превращает «социально нормативного» человека, следующего законам государства, воле вышестоящих и общепринятым установкам, в орудие преступлений и нигилистических деяний. Парадокс и загадка эпохи состоят в том, что «социальная норма» и «мораль общества» предстают в ней как некое отдаление от экзистенциальных и гуманистических ценностей, от нравственных истоков бытия человека, как нечто извращенное и пронизанное глубинным нигилизмом.

При этом же «социальность» утверждается как сущность человека, социальная среда утверждает свое довлениe над отдельным человеком и позиционируется как критерий и источник моральных норм и долженствований, ценностей существования и его идеалов и т. д. Мироззрение эпохи «избавляется от иллюзий», в нем торжествует «объективистский», «научный» взгляд на человека как существо, природа и способ бытия которого социальны, ценность отдельного человека и его бытия, «полноценность» его развития измеряются социальной полезностью, продуктивностью и целесообразностью его бытия. Коллективные ценности, цели и идеалы, будь то «прогресс человечества», «всеобщая справедливость», «благо отечества» или «величие нации», возносятся «над всем», подчиняют себе бытие и ценностный мир индивида, подминают под себя и фактически низлагают безусловную ценность «единичного». Торжествующая в пространстве цивилизации «мораль» мыслит единичного человека, его бытие и судьбу как средство всеобщего прогресса и процветания, как нечто, предназначенное для реализации целей и ценностей коллективного бытия, в этом реализующее свой смысл. Типический и «социально нормативный» человек внезапно предстает как нигилист, в его подчиненности довлению среды, в его безразличии к ценности жизни и трагедии смерти способный превратиться в холодное, покорное орудие преступлений, которые совершаются под громохота лозунгов и «моральных идеалов», «славословие великим целям». Точно так же, как из сознания и картины мира эпохи уходят идеи личности, прозрения и символика экзистенциального опыта, мир человека превращается в торжество тоталитарных и массовых форм сознания и существования, которые в принципе определяют всеобъемлющий и всеподчиняющий характер довлениа социальной среды над индивидом. К. Ясперс видит задачи современной ему философии в том, что бы «напомнить человеку о нем самом», ибо современный ему мир предстает ему шабашем массовости и безличности, забвением образа подлинного человека, личности в человеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.